

гоняет, чтобы они бумаги не грызли. Нормальный дядька, ну, страшноватый немного — так он не виноват, это у него во время пожара в архиве лицо обгорело, когда он документы спасал.

— А ты откуда знаешь? — вытаращился Киль.

— Да он на прошлой неделе своего сына, Джимми, приводел к нам в школу записывать. Я с мамой приходила, ну и он тоже... Мы с Джимми поболтали немного, пока предки у учительницы сидели. Пацан как пацан, только по-русски пока ещё не очень хорошо говорит. А так ничего, вежливый. А папа его — ну тот ва-а-ще! В белой рубашке, с бабочкой — как на праздник пришёл. Нас с мамой до пруда на своей машине подвёз, маме на прощанье даже ручку поцеловал, представляешь? А меня так смешно называл: “Мисс Джули”.

— А чего это он его в такую даль учиться привёз? Рядом с посольством школы не было?

— Он за Джимми переживает, — серьёзно ответила Юля. — Думает, что ребята дразниться будут или ещё что... А наша учительница — подруга его дальней родственницы, они в Англии познакомились. Наша учительница ездила на стажировку к английским колдуньям, там она с ней и подружилась. Ну вот... И папа его хочет, чтобы Джимми хотя бы первое время у неё учился.

— Так в фильмах про его отца — это ерунда всё, что ли?

— Ой, да конечно, ерунда. У него эта перчатка с когтями — ну, как спецодежда, чтобы крысы не кусали. А кто-то ночью увидел его, ну и понавыдумывал всякого... Ну, вот мы и пришли. Ой-ё-ёй, мне, сейчас, кажется, нахлебучка будет!

— Ю-у-ля! — донёсся сквозь кусты женский голос, довольно напуганный, — Ю-у-ленька-а!

— Ау, мама! Иду я, иду! — отозвалась Юля и вздохнула.

— Что, взгреют? — сочувственно спросил Киль.

— Да уж, будет...

— Что, выпорет?

— Ну, ты скажешь тоже! Просто разговаривать не будет и гулять не пустит. Но всё равно...

— Тогда пошли, — решительно сказал Киль.

Но идти никуда не пришлось. Раздвинулись кусты, и на тропинку шагнула сама Юлина мама, Виктория Ихтиандровна. Мама была молодая, красивая и ужасно сердитая. Она скрестила руки на груди, потому что, кажется, ей ужасно хотелось отшлёпать своё ненаглядное чадо.

— Н-ну?! — только и спросила она, но спросила такой тихой яростью, что даже Киль поёжился.

— Мам...

— Ну что — “мам”?! Что — “мам”?! Я полчаса уже здесь бегаю, как ненормальная, чего только не передумала! Совесть у тебя есть, чудовище ты моё?! Ты меня до инфаркта решила довести, да?

Опытный Киль немного подождал, чтобы рассерженная мама хоть немного выговорила, потом решил, что пора.

— Извините, пожалуйста, — шагнул он вперёд, — понимаете, я недавно приехал, ещё ничего здесь не знаю, а через неделю уже в школу идти, мне Юля дорожку показывала. Да вы не волнуйтесь, пожалуйста, я бы её никому в обиду не дал, — когда требовалось, Киль умел быть очень вежливым.

— А, так ты и есть тот самый матрос Киль, про которого мне все уши прожужжали? — заулыбалась вдруг Виктория Ихтиандровна, быстро остывая.

— Ма-ма! — возмущённо взвилась Юля. — Ты скажешь тоже!

— А ты, моя ненаглядная, помолчала бы, пока за тебя заступаются, у нас с тобой ещё разговор впереди. А сейчас марш домой!

Киль клятвенно заверил Victорию Ихтиандровну, что это — первый и последний раз, и очень просил не наказывать Юлю. В конце концов мама смягчилась и сказала, что посмотрит на её поведение. Помахав на прощанье рукой, Киль заторопился домой, так как догадывался, что баба Настя, скорее всего, тоже беспокоится.

Друзья,

к сожалению, объем «Голоса» не позволяет напечатать «Бирюлевские чудеса» полностью — в этом случае нам пришлось бы отдать под них сразу два номера. Но те, кому не терпится узнать, какие чудеса собираются натворить сказочные первоклассники (ведь, помимо морского гнома Килия и русалочки Юли, вы познакомитесь еще с ведьмой Светкой, трехголовой драконом Геркой, сыном «нового домового» Вованом, кикиморой Ксюшей и феей Феней, Джимми Крюгером — да-да, сыном того самого Фреда Крюгера — на которого, впрочем, возлеи слишком много напраслины, так что Крюгеры были даже вынуждены уехать из Соединенных Штатов), могут прислать заявку на сказку Николая Рубана, которая будет напечатана отдельной книжкой, по адресу:

630005, Новосибирск, Гоголя 21а, кв. 2, Олегу Логачеву; e-mail duric@online.nsk.su

или по любому из приведенных внизу адресов. Ориентировочная стоимость — 10 рублей, включая стоимость пересылки, срок выхода — сентябрь этого года. Оплата — при получении, никаких авансов высылать не надо.

Этот номер готовили:

Антон Федоров (ответственный редактор): 117526, Москва, Ленинский пр., 144/5, кв.61; e-mail: hcab@gagarinclub.ru;

Юлия Налбандян: 344090, Ростов-на-Дону, ул. Зорге, 28/1, кв.166; e-mail: nalb@math.rsu.ru;

Олег Логачев (верстка): 630005, Новосибирск, ул. Гоголя 21а, кв.2; e-mail: duric@online.nsk.su;

Борис Тараканов: 125299, Москва, пер.2-й Новоподмосковный, 3а, кв.5; e-mail: boris@cdr.u.com;

Мария Троицкая: 141980, Московская обл., Дубна-5, а/я 12; e-mail: maia@herm-p.jinr.dubna.su.

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

Если Ваше письмо (или его часть) носят личный характер и не предназначены для публикации — обязательно оговорите это.

БОРМОТУНЧОК

№10

« ГОЛОС »
ИЮЛЬ 2000
КЛУБ «ЛОЦМАН»

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Сегодня у нас праздник – появился на свет десятилетний юбилейный выпуск «Голоса». Много это или мало? Как знать... Многие альманахи не дотягивают и до пятого выпуска, а нашему чаду — «уже десять». С чем и хотелось бы нас всех поздравить.

Вы держите в руках не совсем обычный номер «Голоса». Целиком и полностью он посвящён литературному творчеству самих «лоцманитов». Впервые редакция отважилась отдать весь номер «Бормотунчику», и, готовя его, мы немножко волновались – будет ли он интересен, не наскучат ли читателю наивные, часто несовершенные строчки? И все же мы уверены, что живые, искренние стихи, интересная проза не оставят Вас равнодушными, помогут заинтересоваться внутренним миром авторов, а какой-нибудь неожиданный ракурс или удачное сравнение вызовут вдруг теплое и уютное ощущение «резонанса».

Разве можно не оценить дюшедно-душистые леденцы или рыжекудрявого пекаря Иры Отдельновой, дивный её верлибр?

Или немного печальные, философские стихи Наташи Граф:

А может, Время, сдвинув неба сетку
И мимоходом глянув на часы,
Слизнет наш глупый шарик, как конфетку,
Оставив только палочку оси?
Не пропустите эту сладкую, еще липкую «палочку оси».

Удачные строки есть у Булата Мамлиева, автора, надо заметить, весьма своеобразного:

В небе закатном плывут облака –
девять лисьих хвостов.
Барсучьей шерстью лоснятся в тени
шершавые стены домов.

Стихотворение Зинаиды Коннан невольно заставляет вспомнить крапивинское «Когда земля еще вся тайнами дышала...»:

...Синеет летний вечер над кормой,
Мерцают в небе звездные посевы,
И мы с уже разгаданной землей
Простимся под эльфийские напевы.
Слышите, как «разгаданная земля» перекликается с островом капитана Гая?

Не пройдите равнодушно мимо одинокого, мокрого котенка Людвиг Дюрко:

Ветер зубами скрипит, бьется — в окна...
Серый котенок в луже звезд — мокнет...
Стихи Яны Знаменской красивы и образны, полны оригинальных метафор и неожиданных поворотов:

Я видела рядом какую-то смутную тень —
Как будто бы вечер колышет окна занавески,
И это показано на кинолентке нерезкой...

И так нереален еще непроявленный день.

То же можно сказать о Саше Проскуряковой-младшей, хотя, разумеется, стихи их совсем не похожи. Сравните:

...Пыльной скукою тянет от парты и пялец,
звук клавишина и арфы давно презираем.
Дряхлый учитель — педант и занудливый старец —

Не знает, как справиться с нами.
Мы сами не знаем.

Со «Сказкой о свече» Александры Проскуряковой-старшей произошла интересная метаморфоза: из-за технической накладки пропало разбиение на стихотворные строчки, отчего «Сказка», к нашему удивлению, только выиграла. Текст воспринимается ничуть не хуже, но становится размеренней, и в нем блестят, как жемчужины, неожиданные, незаметные раньше обороты. Вот, например, почти японское хокку:

...прозрачный белый воск
в объятиях серебра,
дрожащий огонек...

Мы решились напечатать «Сказку о свече» именно в таком «прозаическом» виде.

Теперь, если позволите, несколько слов о прозе. Здесь в первую очередь хочется обратить Ваше внимание на сказку Николая Рубана «Бирюлевские чудеса». В ней угадывается рука формирующегося Мастера: после неторопливо-андерсеновского мудрого вступления мы окунаемся в современный, самый обычный сказочный мир корабельных гномов, русалок, дракончиков и прочих симпатичных созданий младшего школьного возраста. Надеемся, сказка Вам понравится так же, как всем нам в редакции, и в скором времени мы надеемся представить Вам ее полный вариант.

Рассказы Виталия Каплана, Вадима Филиппова, Олега Сорокина и, наконец, Вашего покорного слуги различаются по замыслу и по исполнению, по форме и по содержанию, но интересны будут все, как нам кажется. Ведь темы, затронутые в них вечны – дружба, разлуки, счастья, одиночества...

Чтобы не затягивать этот обзор, поскорее представляю слово самим авторам. Уверен, любой из них достоин Вашего внимания, ибо прислал для публикации не просто стихи или прозу, а частичку своей души. Присмотритесь к ней. Ведь может оказаться, что за любимым из напечатанных здесь стихотворений, рассказов и сказок скрывается именно Ваш Друг. Надо всего лишь разглядеть его через строчки и рифмы. И просто сделать шаг навстречу.

Антон Фёдоров

ДОРОГИЕ ЛОЦМАНИТЫ!

Одиннадцатый номер «Голоса» будет целиком посвящен Владиславу Петровичу Крапивину, а двенадцатый мы решили отдать под ваши летние впечатления. Уверены, многим из нас будет что вспомнить и что рассказать. С нетерпением ждем ваших писем.

Редакция

— Нет, в мультиках только! — возмутился Киль, — Да сколько угодно, ёлки-палки! Хихикают, да жвачку просят. И все с хвостами, между прочим!.. Хотя, — осёлся он, — то вообще-то морские русалки были. А у пресноводных, значит, хвостов нет?

— Да ни у каких их нет. Гидрокостюм с моноластом — вот тебе и весь хвост. Вернее, он ихтиокостюм называется.

— И у тебя есть? — всё ещё недоверчиво спросил Киль.

— Есть. На вешалке висит.

— А чего не надеваешь?

— Иногда надеваю. Но в нём на берег вылезать неудобно, а я люблю тут на плитке посидеть. А когда музыку слышно, то потанцевать люблю, — призналась Юля, — Ой, ты только не говори никому, ладно? Я только когда не видит никто... — спохватилась она.

— Да ну, зачем это мне? Да я и не знаю тут ещё никого. А с хвостом ты меня здорово в галашу посадила, — вдруг рассмеялся Киль, — Ну, я и салага, оказывается... А вообще-то я раньше русалок только с корабля видел.

— Ну, им-то там конечно, в ихтиокостюмах удобнее, — согласилась Юля, — куда им в открытом море вылезать? Они там, наверное, их и на ночь не снимают. А я вот ещё никогда настоящего моря не видела...

Так они и познакомились. Киль научил Юлю, как правильно устанавливать паруса и руль на пенопластовых корабликах, чтобы теплыли туда, куда хочется, и они устраивали на пруду настоящие парусные гонки или регаты — так они правильно называются. А Юля давала Килю почитать свои любимые книжки. Книжки были из специального мягкого белого пластика, чтобы не раскисали в воде. Юле этой осенью тоже пора было идти в школу. Однажды она предложила Килю показать дорогу к школе, и они зашагали по узкой тропинке среди зарослей лопухов и цикория. Юля показала Килю окрестности: «Ну, это гастроном, это ты знаешь. Вон за теми домами — берёзовая роща, а в ней — церковь. Маленькая, а такая красивая... А там дальше — кинотеатр. Называется «Бирюсинка», а что это такое, я и не знаю, честно говоря. Может, что-то вроде бусинки?» Киль в географии разбирался и пояснил Юле, что в Сибири есть такая река — Бирюса, и высказал догадку, что это название происходит оттуда.

Возле школы они встретили двух мальчишек-домовят, которые носились по школьному двору на роликах. Увидев Киля с Юлей, они завистливо и принялись ехидно дразниться «женихом и невестой». Юля сообщила им, что они трансформеры бракованные, а Киль, зная по своему опыту, как в портах решаются между мальчишками подобные проблемы, шагнул вперёд, чтобы деловито и без лишних слов «накидать банок» этим двум. Однако те свистнули ещё по разу,

высунули языки, похожие на козырьки их красных бейсболок и умчались, жужжа роликами. Долго задерживаться у школы Юля с Килем не стали: «Мама волноваться будет», но обратно шли, не торопясь.

— А ты маму совсем не помнишь? — вдруг спросила Юля.

— Совсем... Она умерла, когда я родился. А... твой папа...

— Он на Чистых прудах живёт, с бабушкой Адой, его мамой. Они с мамой развелись, а сюда ему добираться трудно, мы с ним редко видимся.

Киль деликатно промолчал. Молчание затянулось, Юля явно загрустила.

— Смотри, звезда упала! — вскинулся Киль.

— Загадал желание?

— Не успел, — признался Киль. — Ну ничего, сейчас август, звёзды часто падают, успеем загадать. А вот когда в прошлом году мы в Балтийском море были, я настоящий звёздный дождь видел.

— Как это? — вскинула ресницы Юля.

— Ну вот представь: вылетают звёзды как будто из одной точки и по всему небу разлетаются. До земли, конечно, не долетают, но всё равно — так здорово! Красивее, чем салют, честное слово. Мне потом Секстаныч объяснил, что это Земля через метеорный поток проходила, я только забыл, как он называется, какое-то греческое название.

— А Секстаныч — это кто?

— Тоже гном наш, с «Крузенштерна». Он за оптикой следил в основном, а вообще он штурману помогал. Заешь, как он в звёздах разбирается! Как свои пять пальцев знает — и в северном полушарии, и в южном...

— А морские русалки — они какие?

— Да обыкновенные, говорю же. Или у Африки, что чёрненькие, курчавые. У Японии — как все японки. А в Индийском океане — смуглые, с пятнышками на лбу, а к носам как-то жемчужинки цепляют. А в Копенгагене я памятник Русалочке видел, только его тогда ремонтировали. Представляешь, ей какие-то идиоты голову отломали.

— А я знаю — про неё Андерсен писал. Только он там всё напутал — наверное, он эту историю с чужих слов записывал. Ноги у неё всю жизнь были, а не говорила она потому, что застенчивая очень была. Ну, и ещё по-датски она не очень хорошо понимала, она сама у голландского берега жила — ну и стеснялась. А потом-то ничего, разговорилась. И в пену она превращаться не думала, просто уплыла домой, и всё. Конечно, ей обидно было, когда принц женился на другой, но зачем уж такие ужастики писать? Время тогда такое было, что ли?

— Да ужастиков и сейчас хватает, — отозвался Киль, — вон, по телюку: то стрельба, то мордобой, то какой-то Фредди Крюгер придурачный...

— Крюгер? — вдруг рассмеялась Юля. — Да ты что! Он в американском посольстве работает, в архиве, этим... А! Де-ра-ти-за-то-ром, крыс

ещё не село и его лучи освещают дно пруда! Стремительными зигзагами, словно юркий пес-карёнок, Юля поплыла вдоль бетонного берега, уходящего в глубину пруда. И почти сразу же увидела этот зловещий ключ — он висел на ветке водоросли, зацепившись за неё ярко-оранжевым шнурком. Но хотя Юля и обрадовалась, наверное, больше, чем сама девочка, она не стала от радости терять голову и отдавать ключ ей самой. Кто знает, какой она может оказаться — вдруг дура какая-нибудь, схватит и потащит, как куклу — рассказывали такие страшные истории...

Юля заплывала вперёд, тихонько вылезла на берег, положила ключ на открытое место и сразу же нырнула в воду. А потом, прячась среди осоки, смотрела, как девочка схватила ключ, прижала его к груди, как-то странно затопала ножками и, кажется, опять заплакала. Потом побежала к дому, торопливо вытирая глаза кулачком и всё не отрывая от груди ладошки с зажатым ключом...

А Юле самой захотелось заплакать. Ну ладно, сегодня для этой девочки всё обошлось. А если бы Юли не оказалось рядом? А что её ждёт потом?

В тот вечер Юля ещё долго плавала вдоль берега и смотрела — а вдруг ещё кому-то понадобится её помощь? А когда стемнело и из-за крыш выкатилась спелая розовая Луна, Юля впервые увидела Киля.

Мальчишек-гномов, мальчишек-домовых она видела и раньше, и они ей ужасно не нравились. То начнут в лягушек стрелять из самодельных луков (лягушкам-то вреда никакого, конечно, но зачем дурью-то маяться?) Или начнут соревноваться — кто дальше в пруд плюнет — ну, это уже вообще!.. Мало того, что люди весь пруд загадили, так ещё и эти туда же... А попробуй, скажи им чего-нибудь, так такого в ответ наслушаешься, что потом пол-ночи проревёшь.

В общем, ничего хорошего от мальчишек ждать не приходилось. Но этот не был похож на других. Во-первых, он был один. Во-вторых, он не носил ни футболки с рукавами до колен, ни бейсбольной кепки козырьком назад, а был одет в парусиновые шорты и тельняшку с закатанными рукавами. И, в-третьих, в руках он нес кораблик — маленький, аккуратный, совсем как настоящий, с белокрылым парусом.

Юлю разобдало любопытство, она выбралась на берег и, присев на тёплый бетон, стала изучать незнакомого мальчишку. Тот искоса глянул в её сторону, досадливо поморщился, потом крутнул головой, как бы говоря: "Ну и сиди, фиг с тобой". Подошёл к воде, деловито посплюнул палец и поднял его над головой. Потом что-то подправил у кораблика и осторожно опустил его в воду.

И кораблик вдруг резво побежал поперёк пруда, строго придерживая ровный курс. Мальчишка удовлетворённо хмыкнул. Юля раскрыла рот.

— Вот здорово... Ты сам его сделал?
— Нет, бабушка. Лобзиком выпилила.

— Да я серьёзно... Сам, что ли?
— Ну...

Мальчишка особой болтливостью не отличался. Но Юля почему-то не фыркнула и не уплыла. Может быть, потому, что увидела, как мальчишка смотрел вслед уплывающему кораблику...

— Ты недавно здесь? — вновь попробовала она разговаривать его.

— Недавно...

— А откуда приехал?

— С Балтики. Из Калининграда.

— На каникулы?

— Если бы... — сипло выдохнул мальчишка и вдруг закусил губу.

Юля немного испугалась. Да что же это за день такой сегодня! Одни несчастья у всех кругом. Она осторожно тронула его за рукав.

— У тебя случилось что-то, да? — тихонько спросила она.

Помолчав немного, Киль коротко рассказал ей всё.

— Так вот... Теперь у бабушки живу, вон в том доме. А ты тут чего?купаешься? — спросил он Юлю, чтобы она не вздумала долго жалеть — Киль этого не переносил.

— Почему купаюсь? Живу я здесь.

— В смысле?... — не понял Киль. — Возле пруда живёшь, что ли?

— Да не возле, а в самом пруду. Ну... Русалка я, — пояснила Юля и почему-то покраснела.

— Ладно травить-то, — недоверчиво протянул Киль, — Я серьёзно спрашиваю.

— Ну и я серьёзно. Русалка.

Киль почувствовал лёгкое раздражение. Издевается над ним эта москвичка, что ли? Что он, русалок не видал? Да сколько раз, в разных морях. Ну, подплывали к борту, улыбались, чаще всего выпрашивали конфеты, а иногда дразнились. Девчонки как девчонки — и японки встречались, и англичанки и даже негрятки. Но все они были с рыбьими хвостами, это Киль отлично помнил! А у этой — ноги как ноги, вон — даже коленка поцарапана. И никакой чешуи, обычный купальник с рыбкой на пузе. Киль примерно так и сказал:

— Ага, русалка... А хвост тебе шука отъела? — и хотел добавить ещё что-нибудь ехидное, но не успел, потому что девчонка захохотала так, что замолчали лягушки на всём пруду.

— Ой, не могу мамочки... Ну, моряк — я сейчас умру...

— Ты чего?! — потрясённо спросил Киль, — он ожидал чего угодно, но не такого оскорбительного хохота.

— Да сейчас, сейчас, — сквозь смех икнула Юля, — сейчас...

— У-ф-ф, — отдышалась она, вытирая выступившие слёзы, — ты только не обижайся, ладно?
— Ну, чего?

— Нет, честно — ты раньше живых русалок видел?

Намалия Граф

Каждую осень она уходит из дома...
Клетки пальто и пшеничные волосы — ветру.
Радуга глаз видит лишь пламень листьев,
Что обжигает крылья ресниц и тонкие пальцы.

Холод души... Только осенью может согреться
Та, что уходит из дома в осеннюю полночь,
Та, что сжигает себя в костровище из листьев,
Вновь возрождаясь... В новорожденьи не помня

Чувств и привычек... Но грусть и тоска по полету,
Холод души, что согрел осенние листья,
Скоро вернутся. Чтоб насытиться новой

свободой...

...Каждую осень она уходит из дома...

А может, Время, сдвинув неба сетку
И мимоходом глянув на часы,
Слизнет наш глупый шарик, как конфетку,
Оставив только палочку оси.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ночь бесшумно, на мягких лапах,
В дом войдет
И одним движеньем, как лампу,
Тишину зажжет.

В длинном платье, в перчатках и шляпе
(Звезды в горсть),
Ждешь, когда постучится в двери
Сон, как гость.

Из Большой и Малой Медведиц —
Чай. Потом
Под мелодию грусти ветра
Вальс за окном.

Ты свободно и плавно кружишь,

• 656031, Барнаул, ул. Крупской, 141, к. 519.

ЗНАЮЩАЯ КОШКА

ГОЛУБЫЕ ПАРУСА

Когда Земля однажды ясным днем
На все посмотрит новыми глазами,
Мы в гавань Серебристую придем
И уплывем под голубыми парусами,

Нас в тихой бухте дожидается корабль,
Сияя просмоленными боками.
С собой мечей мы не возьмем туда —
Возьмем лишь песни, петые веками.

Наш мудрый маг с привычной бородой,

• 199053, Санкт-Петербург, 53-е отделение связи, до востребования, Н.Козулиной

Как туман.
Путевойной звездой тебе служи
Глаз — Луна.

Тишина над миром кристальна,
Ты лежишь...
Но ты, кажется, спишь уже?
Спи, малыш...

Звезды гаснут... Это торопливо,
В спешке, суматохе (как перед директором
Пойманный мальчишка) тушат суетливо
Ангелы окурки под ЕГО прожектором.

СЛУЧАЙ В ТРАКТИРЕ

Хей, наполните кубки здравуrom,
Да подсыдайте поближе к огню.
Я вам всем, и веселым и хмурым,
Про великую битву спою,

Хоть стихов слагать не умею.
(Ну, ты, Серый, зараза, молчи!)
И к тому же так быстро хмелею —
Лучше спрячьте подальше мечи.

Дайте кубок! Так вот, я о битве —
Мы за ними, они же скакать!
Кто — они? Ах, кто мы?! Да иди ты!
Эру в душу! Моргот твою мать!!!

Дайте меч! Он не смыслит в поэзии!
Я ему сейчас так объясню
Про стихи, что он с рифмы не слезет
За всю жизнь. И свою и мою.

Что? В жаровне огонь догорает?
Ну а я здесь при чем? Ах, рассказ...
Как все было? Барлог его знает...
Дайте кубок. Стихи — в другой раз!

ИРИНА ОТДЕЛНОВА

НОВЫЙ ДЕНЬ

На зеленых городских улочках дома стоят и покачиваются от головокружительного бело-розово-сиреневого цветения мая. В солнечных лучах тихо и низко летают первые бабочки, и громко и радостно кричат птицы в высоких ветвях.

Мир такой яркий и праздничный, что кажется новым...

Новые, словно бы никогда не виданные, еще не запленные лопухи растут у заборов. Новые,

прямо на наших глазах народившиеся, одуванчики-оленятки бегут на тоненьких ножках по широким газонам.

Новое, еще более широкое, ослепительно-синее небо напоминает только что купленный мячик с солнечным бликом на веселом боку. А значит, впереди ожидаются новые дни. И будут они заполнены: счастьем, травой и вернувшимся детством.

ДЕРЕВО-ДЕВОЧКА

Полным голосом, но все равно шепотом, говорили летнее дерево и перешептывалось с ним шелестящее эхо. Как будто бы маленькая девочка со славной щербатой улыбкой, набив рот леденцами лимонно-яркими и дышесно-душистыми — умудряется: и дурачиться, и говорить, и смеяться одновременно.

В полный рост стояло дерево, стойкое, как оловянный солдатик, ведь к небу оно тянулось, а от земли не отрывалось — и шелестело, и дышало, и

перекачивало в прохладных ладошках жаркую картофелину солнца. И внизу ее роняло, и соринками-одуванчиками усеивалась трава под ветвями.

В переулке пустом стояло дерево. В прятки оно играло. Пряталось за углом дома. А потом неожиданно попадалось прямо в промежутке между стеной и дорогой. И по стволу ударяли ладони, словно прохожие тоже в прятки играли и находили спрятавшееся дерево!

Первое Июля

Шумели зеленые волны, носился по ним маленький дом. А в доме качалась люлька, и спал ребенок в ней. От ветра качалась люлька на волнах высокой травы.

Плыли над морем коровы с раздутыми боками, так медленно и сонно текли они домой. И молоко густое несли облака с собой.

Рыжекудрявый пекарь последнюю ковригу хлеба погладил теплой рукой. Земля, пропеченная солнцем, с твердой прожаренной корочкой, лежит, как остывший пирог.

А у крыльца собрались живые зеленые лампы с

проворными тонкими лапками, чтобы самим добраться до письменных столов.

Кто-то незримый и щедрый — разом всех светлячков включил.

Светлый и тоже зеленый — летний день засыпает в вечерней люльке и видит солнечный сон.

Приходят с работы люди, пьют молоко с хлебом, включают настольные лампы и долго читают о том, какой веселый и славный рос малыш сегодня — первый июньский день.

[Опубликовано в газете «Первое сентября» — Редакция]

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ: «Зарисовки» Иры Отделновой время от времени появляются на страницах газеты «Первое сентября». Обращаем внимание всех на это умное, светлое издание, сохраняющее человеческую интонацию вопреки всему, разговаривающее с нашим сердцем, с нашими чувствами, заставляющее вспомнить о том лучшем, что прячется порой слишком глубоко внутри нас.

- 305007, Курск-7, до востребования

дружелюбно Киль. — Давай помогу, что ли, — и смело почесал несчастное Баксово ухо, отчего пёс завил хвостом и развесил слюни от удовольствия.

С тех пор при встрече с Килем Бакс весело бежал ему навстречу, изо всех сил вилял своим хвостом, похожим на сосиску, и тут же подставлял Килю своё ухо, которое у Бакса часто чесалось, а лапы свои были, увы — коротковаты. А разговорились они позже. Дело в том, что Бакс родился в каком-то английском питомнике, долго жил в Лондоне и по-русски не понимал ни бельмеса. А Киль, как вы помните, по-английски болтал вполне сносно, потому что английский — международный морской язык. Он-то и начал учить Бакса русскому языку, но об этом — попозже...

И заблудиться Киль не мог. Он отлично ориентировался по звёздам, а если небо было закрыто облаками, брал с собой маленький компас, который смастерил ему на «Крузенштерне» гном Кальмарян. Да он и не уходил далеко от дома. Любимым местом Килия стал небольшой пруд недалеко от станции. Конечно, это было не море и даже не нормальное озеро, но всё же...

У пруда были бетонные берега, в воде плавали банки из-под пива, пластиковые бутылки-торпеды и прочий мусор, но всё равно Килия тянуло сюда. Он отправлял в плавание кораблики, которые мастерил дома, старался не обращать внимание на горластых лягушек, наблюдал за серебристыми мальками, которые подплывали к поверхности воды, чтобы порезвиться в лунном свете, и отчаянно тосковал по морю. Возле этого пруда он и познакомился с Юлей.

Юля

Юля была русалочкой. Сколько она себя помнила, она жила в этом самом пруду со своей мамой Викой и считала себя коренной москвичкой. Что это означает, она толком не понимала, но мама всегда называла себя так в разговорах с другими русалками, и эти слова «коренная москвичка» мама произносила с неизменной гордостью. Ещё мама с гордостью говорила, что раньше она жила на Чистых прудах, но... В общем, что-то там не сложилось с бабушкой Адой («свекровью», как её называла мама) и — «как обычно — развод, размен... Ну, вы понимаете...» Соседки понимали и сочувственно кивали. Юле эти разговоры, честно говоря, были неинтересны. Куда интереснее было поиграть в пятнашки с мальками пескарей, понырять потешных пузанов-головастик (жалко только, что они быстро вырастали, становились нахальными дылдами-лягухами и делали вид, что считают ниже своего достоинства дружить с какой-то девчонкой, хотя совсем недавно плавали за ней, как хвостики).

А ещё можно было подразнить сердитого жука-плавуна Пузыря, сплести гамак из водорослей или поиграть среди зарослей водорослей в

джунгли вместе со своими подружками-русалочками Дашей и Аней. Правда, они часто вредничали и не хотели быть обезьянами, когда была их очередь.

На берег Юля выходила только по ночам — это ей наказала мама строго-настрого. И поначалу — только с ней или с соседкой. Потом отпустила и одну, «но только недолго, смотри у меня!» Юля и сама понимала, что надо быть осторожной, мало ли... Правда, один раз Юля нарушила этот строгий запрет, но что было делать? Однажды вечером она вынырнула среди веток ивы, которые свисали над самой водой и, прячась в узких листьях, посмотрела на берег. Там кто-то громко кто-то ругал. Юля подплыла поближе, прислушалась — и ей стало страшно.

— Коровка безмозглая, ну что теперь с тобой делать, а?! — визгливо голосила толстая тётка, встряхивая за плечи худенькую девочку в коротком платьице и дырявых колготках. — Ну как ты умудрилась ключ-то потерять, паразитка?! Ну на шею же тебе повесила, специально, чтоб уж если потеряешь, так чтоб вместе со своей башкой тупойрой! И то умудрилась!..

— Мамочка... — всхлинула девочка, не поднимая глаз и беспомощно теребя подол платьица.

— Ну что — «мамочка»?! Что — «мамочка»?! Пять лет уже мамочка, пропади ты пропадом... Теперь замок менять придётся по твоей милости, оца безрогая, ну где я на тебя денег-то напасусь, дура такая!

«Мамочка!» — ахнула про себя Юля. Так это — её мама?! Такого ужаса она и представить себе не могла. Ну, случалось, что и ей влетало от мамы за какие-нибудь проделки, но если мама и начинала ругать Юлю всерьёз, то вскоре сама начинала плакать. Юле становилось нестерпимо стыдно, что она довела маму до слёз и, обняв маму, она сама разжалась громким рёвом, после чего наступало примирение. И уж совсем невозможно было представить, чтобы мама называла Юлю такими кошмарными словами.

— Да где же тебя черти носили, вспоминай, зараза такая! — ещё громче голосила тётка, — Ищи давай, и чтоб без ключа домой не приходила! У-у, к-корова... — тётка отвесила девочке такой подзатыльник, что у той взметнулись короткие русые прядки волос и брызнули в стороны слезинки. Потом круто повернулась и грузно зашагала в сторону домов, что-то ещё бормоча на ходу.

Девочка затравленно посмотрела ей вслед, потом села в траву и уткнулась носом в колени. Плечи её затряслись, но плакала она тихо, словно боялась, что кто-то может её услышать. Потом она встала, вытерла лицо замурзанным подолом, судорожно вздохнула и стала бродить вдоль берега пруда, всматриваясь в воду, впрочем — безо всякой надежды.

Юля всё поняла. Девочка потеряла ключ, скорее всего — уронила его в воду. Хорошо, что солнце

Брашпила Секстановича, и ещё многих других. Их имена могут означать названия корабельных приборов, частей такелажа или рангоута — одним словом, всё, что связано с морем и кораблями. А имя Киль означало не только часть судна. Если вы интересуетесь географией, то без труда сможете найти на карте ещё и портовый город у Балтийского моря с таким названием. Так что имя у Киль Марсельевича (так по-взрослому) было самое подходящее.

О корабельных гномах вы уже наверняка слышали. Они существуют с тех пор, как появились первые парусники, и всё это время плавают на них и помогают морякам в их трудной работе. А работы у корабельных гномов — хоть отбавляй. Надо вовремя замечать все самые маленькие течи в трюмах и быстро их ликвидировать, надо воевать с крысами, которые грызут в трюмах всё подряд — от сухарей до запасных парусов, надо следить за тем, чтобы не заснул во время ночной вахты какой-нибудь молодой рулевой (а если такое случится, то незаметно пощекотать его, чтобы разбудить) — да разве всё перечислишь!

Сейчас корабельных гномов стало гораздо меньше, чем раньше — на современных кораблях, среди железа и гула машин, среди локаторов и компьютеров гномы чувствуют себя неуютно, и чаще всего уходят на пенсию вместе со своими парусниками, потому что новые парусники сейчас строят всё меньше и меньше.

Но Килю повезло. Его папа, корабельный гном Марсель Топович, служил на знаменитом четырёхмачтовом барке “Крузенштерн”, на котором проходят практику курсанты-моряки, будущие капитаны и штурманы. Этот парусник (между прочим, самый большой в мире!) — прочный, надёжный, — верно служит и ещё будет долго служить людям.

Вырос Киль в трюме “Крузенштерна” и, несмотря на свои семь лет, был уже заправским моряком. Он плавал, как дельфин, стремительно вязал самые сложные морские узлы, выучил семафорную флажковую азбуку чуть ли не раньше, чем обычную, имел гордое звание юнги и уже дважды обошёл на своём любимом “Крузенштерне” вокруг света.

Кроме всего прочего, он ещё знал по несколько десятков слов на разных языках — ведь в портах всех стран есть такие же гномы-мальчишки, с которыми Киль изредка дрался, но чаще всего мирно болтал или играл в футбол или в те игры, в которые играют портовые мальчишки разных стран.

Самым несчастливим днём в жизни Киль был тот его день рождения, в который Килю исполнилось семь лет, потому что это означало прощание с морем. Всё уже было давно решено, спорить с папой или упрашивать его было бесполезно. Воля у папы Марселя Топовича была настоящая, морская — твёрдая и негибкая, как якорь. “Раз мальчику исполнилось семь лет — он должен

учиться, и прервати немедленно реветь, тысяча дохлых медуз! Если хочешь быть настоящим моряком, то должен понимать, что уметь вязать узлы и бегать по вантам сейчас мало! Хочешь таким же неграмотным быть, как дед Сардинич, который даже слово “компьютер” выговорить не может? Отставить слёзы, юнга! Ну всё, всё, сынок... Думаешь, мне без тебя сладко будет? А что поделать, без науки сейчас в море делать нечего...”

Приглашённые на день рождения Киль корабельные гномы сидели унылые, как засыхающие огурцы, и прятали глаза. Конечно, они всё понимали, но всё же им до слёз не хотелось расставаться со своим ловким, расторопным, весёлым юнгой. Так вот и получилось, что в очередное плавание “Крузенштерн” ушёл без юнги, а сам Киль, глотая слёзы, поехал к своей бабушке в Москву. Точнее, полплыл — как известно, Москва — порт пяти морей, и приплывают в неё суда и с Балтики.

* * *

Бабушка Киль, Анастасия Кузьминична, или просто баба Настя, происходила из старинного рода домовых, которые жили в доме земского врача Шустраго-Боборыкина ещё в те времена, когда Бирилёво было ещё просто подмосковной деревней. У бабы Насти была уютная квартирка на чердаке одного из домов недалеко от станции “Бирилёво-пассажирская”, она долго работала ночной дежурной в детской поликлинике, а теперь вышла на пенсию.

Киль она нежно любила, ужасно переживала за него, что “бедный мальчонка всё по морям шастает”, и была несказанно рада, что наконец-то любимый внук оказался рядом. И можно теперь не просыпаться от страха за него среди ночи и лежать без сна до самого утра, глотая валерьянку, а наоборот — можно теперь и похвалиться перед соседками — мол, какой у меня внучек ладный да послушный подрастает. И есть теперь для кого печь пирожки и плюшки, и вообще, есть теперь кого любить и о ком заботиться.

В первые дни она страшно переживала за Киль — как бы он не попал под машину или велосипед, как бы его не сцапала какая-нибудь собака, которых в Москве неисчислимо множество, да вообще, как бы не заблудился ребёнок!

Но волновалась баба Настя совершенно напрасно. Дисциплине Киль был обучен на флоте, и переходить дорогу на красный свет считал разгильдяйством, непростительным даже для салажат. Собаки Киль совершенно не обижали, и даже злоющий бультерьер Бакс, которого боялись как огня все собаки в округе, при первой встрече с Килем (а были они почти одного с ним роста) вначале вытарачил свои узкие глазки (и как ему только это удалось?) и озадаченно почесал задней лапой за ухом. Лапа у Бакса была кривая и короткая, чесать ею за ухом было явно неудобно.

— Что, дружище — трудновато? — спросил его

Була м Амлиев СмИИ ВасИлиска

ДОРОГА

Посвящается Джаргалу

Звёздная дорога — паутины нить,
странного узора нам не изменить.
Словно мост над бездной, через хаос дней —
тайная тропинка, я иду по ней.

Серебристо-белым светится тропа,
тихо шепчет сумрак странные слова,
чувствую дыханье чьё-то за спиной,
призрачно мерцает звёзд небесный рои.

Наши сотни тропок вдруг слились в одну
вечную дорогу, у неё в плену
все мы оказались. Я хочу узнать —
как судьбу на скуку снова поменять?

Не свернуть с дороги, и паук хитёр —
ткёт из нитей судеб Вечности ковёр.
Чёрное на белом, тень на серебре,
муха в паутине — путник на тропе.

РЕЧЬ ОРКА ПЕРЕД ПОЕДИНКОМ

Как чёрное пламя — мой ятаган,
для шеи эльфийской есть прочный аркан,
стальные доспехи стрела не пробьёт,
кто вызов мне бросит — тот гибель найдёт.

С железной оковкой мои башмаки,
я ими последние выбью мозги
тому, кто решится тягаться со мной:
был светлый герой — будет мёртвый герой!

В любые я двери без стука вхожу,
повсюду добычу себе нахожу,
не буду тупить о тебя ятаган —
пойдёшь на веревке за мной, как баран!

СТРАННАЯ ПЕСНЯ СЕРОГО МЕНЕСТРЕЛЯ, НАПИСАННАЯ В ТРАКТИРЕ, ВТОРОПАЯ И С ПОХМЕЛЬЯ

Где этот мир чудесный?
Мне странник о нём рассказал.
Туда бы найти мне дорогу,
тропинку, дверь, портал.

Там нет злых чар Некроманта,
небосвод на Востоке чист.
Там ужас не сеют назгулы,
там Зло с небес не кричит.

Не надо там варгов бояться
и орочьих ятаганов.

Горят фонари по ночам,
а не костры на курганах.

Там путника ночью среди леса
не ждёт из кустов стрела,
и дивный народ Лориена
смертных не сводит с ума.

И стен неприступных защита
там не нужна городам,
и пепел сгоревшей деревни
вихрь не несёт по полям.

Полночи я странника слушал,
а утром себя прокинал —
забыл расспросить про дорогу,
а странник проклятый пропал.

ИСИРО-КИЦУНЭ

В небе закатном плывут облака —
девять лисьих хвостов.
Барсучьей шерстью лоснятся в тени
шершавые стены домов.
Серым туманом по улицам стелется
запах лесного костра.
С девушкой чай пьём мы в летнем кафе,
не расстанемся с ней до утра.

Тихий приятный звучит голосок,
читает она мне стихи.
Скрыв за улыбкой тяжёлый груз
лёгшей на сердце тоски,
я подливаю ей в чашку горячий
душистый зеленый чай.
А после сказала чуть слышно она:
«Пора нам идти, вставай».

Как жаль, что я вижу всю сущность твою,
меж нами незримая грань.
Коль ты победишь — коготь зверя порвёт
реальности тонкую ткань.
Кинжал куноити, обман лисьих чар
сегодня тебе не спасут.
А может, мы оба умрём в эту ночь,
нас утром холодным найдут.

Я мантру бардо про себя произнес,
жизнь моя нынче — кайдан.
«Три драгоценности» душу хранят,
а тело хранит идам.
Лезвием острым всё же нельзя
остановить Колеса —
когда завершится его оборот,
то примут меня небеса.

ТХАНО

Серый холод голых стен в тусклом коридоре.
— Почему ты здесь сидишь, погружённый в горе?
— Не осталось тех людей, что я звал родными.
Жили мы одной семьёй, стали вдруг чужими.
Нынче холод пустоты затопил мне сердце.
Грею руки над огнём — не могу согреться.
— А друзья? — А что друзья? Никому не нужен.

Серый ласковый туман разъедает душу.
— Да, а сам ты кто такой? Чего тебе надо?
— Я? Да в общем-то никто, но всегда я рядом.
Если людям тяжело — я их утешенье.
Прерываю я косою лишние мученья.
И тебе я помогу. — Не хочу, не нужно.
— Поздно парень, ты уж мой. Видишь ты снаружи
тело бывшее твоё в сером коридоре.
Так что я тебе помог — излечил от горя!

• 663130, Красноярский край, Енисейск-4, в/ч 14058, общежитие

АлмОл ФедОРов

Башня, или Несеръезные Мысли на серъезном кОлцеРме

(ЗАРИСОВКА)

— Если хотите, можете ребенка посадить, — шепнул я человеку, примостившемуся рядом со мной на ступеньке. Сам я сидел на краешке ряда, тоже на птичьих правах, готовый сняться с места по первому требованию. Но после третьего звонка вход в зрительный зал запрещен, уж это правило я знаю твердо. Когда отзвенит последняя трель третьего звонка, меня пушкой с места не сдвинешь. Однако на сей раз повезло, никто меня не сгонял, и даже одно место рядом со мной пустовало. Я подвинулся, и благодарный папаша усадил рядом со мной свое чадо.

Музыка началась. Чадо зевнуло.

«Тише, тише»... — зашептал папаша. Мальчик поглядел по сторонам, повертелся и, скучая, стал болтать в воздухе ногами. Несчастный ребенок... хотя вон, на сцене, почти совсем такие же стоят. Мальчик сразу же стукнул гражданку, сидевшую ступенькой ниже. Воспитанная гражданка сделала вид, что ничего не заметила, поглощенная музыкой, но папаша снова громко зашептал: «Тише ты...» — и рукой остановил качание ног.

Оркестр звучит мощно, а хор вообще потрясает — огромный, человек 80, станков всем не хватило, стоят по бокам, сбившись в кучу (вот что называется тесным расположением голосов, подумал я мимоходом). Тут же и мальчики длинным рядом перед станками, вышколенные, сорванцы, стоят — не шелохнутся. Бедолаги, каково им вот так стоять два отделения по два часа в каждом? Впрочем, когда поёшь, время летит незаметно, об усталости и не думаешь.

Ну откуда мощное форте берется — понятно при таком скоплении певцов, но ведь и тихие места поразительно слажены, когда замолчала солистка и ей ответили сопрано в унисон, мне показало сначала, что поет только одна — нет, пела вся партия.

Солистка села, выставив немного вперед ногу, и вдруг прыжка у нее на туфле блеснула, переливаясь всеми цветами радуги, а после засветила изумрудным блеском, словно маленький огонек индикатора Caps Lock на компьютерной клавиатуре. «Нота!» — восторженно подумал я.

Набоковская Ада называла это «настоящей вещью» — маленький подарок судьбы, неожиданную, нечаянно подсмотренную радость, длящуюся, к сожалению, недолго, эфемерную, как роза Мальничьего принца. В некоторых обстоятельствах самая обычная безлика вещь может вдруг засиять необычными гранями, став на время «настоящей». Более емкое определение — «Нота», образованное от «note» (замечать, заметка) — уже моя собственная находка. Собрание Нот стало для меня своеобразной игрой. Три ноты подряд образуют, опять-таки по Набокову, «Башню» — состояние ни с чем не сравнимого блаженства, высшего упоения, нирваны.

Мальчишка рядом со мной некоторое время зевнул, а потом склонил голову ко мне (он не доставал мне до плеча) и уснул. Я замер. Еще одна Нота! Тихо. Тсс....

Доверчиво уснувший под боком ребенок (я боялся пошевелиться, чтобы не разбудить его),

Н. Рубан

БОРИОТУНЧОКЕ ЧУДЕСА

ПРОЛОГ

Кто пишет сказки? Когда как. Иногда их пишут знаменитые писатели, а иногда сказки начинают писать люди, которые никогда этим раньше не занимались, а были серьезными учеными, умельными мастерами, искусными врачами — да кем угодно. А еще раньше сказки складывали люди, которые вообще не умели ни читать, ни писать. Но это не значит, что написать сказку — совсем простое дело. Даже не всякий настоящий писатель сможет сделать это. И вовсе не потому, что ему это неинтересно, или у него маловато таланта.

Просто не каждому человеку случается повстречаться с жителями сказочного мира. А как писать о тех, кого не видел сам? Ведь не сможешь написать книгу о лётчиках или моряках, если сам не знаком с ними. Также и с героями сказок. А вообще-то встречаться с ними доводилось многим (возможно — и вам тоже!), да это и не удивительно: ведь сказочный мир, в котором живут герои сказок, находится совсем рядом с нашим миром. Умные учёные и писатели-фантасты давно это открыли и даже дали этому миру своё название — «параллельный мир». В общем-то, они правы, но всё-таки в главном они ошибаются, когда утверждают, что наши миры никогда не пересекаются, как не пересекаются параллельные линии.

Ещё как пересекаются! Только вот где и когда — точно не знает никто. И что досаднее всего — человек может случайно пересечь невидимую тонкую грань, разделяющую наши миры и оказаться в параллельном сказочном мире, а потом вернуться обратно, так ничего и не заметив. И всё оттого, что люди сейчас очень часто озабочены своими проблемами и разучились смотреть вокруг себя и замечать чудеса.

А может быть, люди часто не замечают сказочный мир потому, что он очень похож на наш. Ведь он живёт и развивается вместе с нашим миром, и потому его жители так похожи на нас.

В Древней Руси люди жили в дремучих лесах, на берегах рек и озёр. Они ловили рыбу, охотились, смело сражались с захватчиками, очень любили плясать и петь весёлые песни. И герои русских сказок были похожи на них: весёлые лешие, смелые витязи, хозяйственные домовые, проказливые кикиморы и грустные красавицы русалки.

А вот в городах средневековой Европы люди жили в каменных домах с глубокими мрачными подвалами и высокими таинственными башнями. В те давние времена люди не умели ещё лечить такие страшные болезни, как чума или оспа, и от этого вымирали не то

что целые города, а даже целые страны. А священники пугали людей всякими ведьмами и колдунами, и могли съечь человека на костре за что угодно. Хотя бы за то, что он приручил лесную птицу, или изобрёл телескоп, или просто сочинил весёлую песню про глупого и жадного монаха. А называлось это «инквизиция». Поэтому и герои сказок того времени были такими жутковатыми: злые или несчастные привидения, жестокий барон Синяя Борода да кровожадные людоеды всех мастей.

В американских сказках зайцы и лисы становятся лихими ковбоями, а коты и мышата — эстрадными певцами и неплохими бизнесменами. В сказках народов Африки обезьяны выращивают сладкую картошку батат и продают её на рынках, а в китайских сказках бамбуковые мишки панды сдают экзамены на должность государственных чиновников.

Видите, как этот мир похож на наш? Ну и, конечно, в этом параллельном мире есть своя параллельная Москва. А в этой параллельной Москве — своё параллельное Бирюлёво. А в нём — самые обыкновенные параллельные школы. И кроме обычных учеников, в них учатся ещё и дети сказочных героев.

Учатся они в самую последнюю смену, когда учителя и ученики разойдутся по домам, а уборщицы наведут порядок и выключат свет. Одним словом, ночью. А что удивительного? Все знают, что ночь — самое сказочное время.

И вот однажды, в одну прекрасную ночь (я чуть не сказал: «в один прекрасный день»), во дворе одной из обыкновенных школ, каких в Бирюлёве не одна и не две, — в одну прекрасную ночь первого сентября собрались сказочные первоклассники. Ночь была тихая, тёплая, ласковый ветерок шелестел листьями, которые совсем ещё не собирались желтеть, а в небе мерцали пушистые звёзды, и им совсем не мешал свет уличных фонарей.

Первым из первоклассников пришёл мальчишка, одетый в парадную флотскую форму — белоснежную голландку с широким синим воротником, новенькую тельняшку и широкие флотские брюки. Эти роскошные клеши были отутюжены так, что казались отлитыми из чёрной пластмассы. В петлях брюк плотно сидел широкий ремень с латунной пряжкой, которая сияла, как маленькая луна. Ренец мальчишка держал в руке, потому что боялся помять им свой замечательно отглаженный воротник. Этого мальчишку звали Киль.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Киль

Может быть, это имя и покажется кому-то странным, но для морских гномов, сыном одного из

которых был мальчишка, это имя — самое обычное. Среди корабельных гномов вы можете встретить и Марселя Топовича, и Чопу Контрфорсовича, и

— Неудивительно, что они уходят. Понимаешь, важно не то, куда. Важно — от кого.

— Ну ты, умный! Поговори мне!

Я резко поднялся, шагнул вперед, и он тоже подался мне навстречу — из овального, в дубовой раме, зеркала. Оно досталось Марине ещё от её бабушки.

Дымчатая поверхность отражает край кухонного стола, белую дверцу холодильника, меня — высокую личность с изрядными зальсинами, с имеющим быть животиком и серыми мешками под глазами. Нет, надо, надо бросать курить. И пиво тоже. И по утрам бегать... надо...

Они спят — каждый в своей комнате. Умаявшийся от инквизиторских трудов прыщавый мой

Олежка, который так не любит манную кашу и алгебру, а любит... Я теперь уже и не знаю, что он любит.

Пухлощёкая моя Ленка, расцветшая ещё не женской, но уже и не девчоночьей красотой, дылда моя лопухая, не нужны тебе эти королевские льняные локоны и эльфийские, в пол-лица, глазница. Ты и так хороша.

Они спят, и я не вижу их сквозь обклеенные зелеными обоями стены, не вижу — но слышу их прерывистое дыхание. Или это мне только кажется, что слышу.

Вы только не бросайте меня, ладно? Никогда.

Довольно, Философ!

Август 1997

- Vitvit@ncport.ru. Обычные письма отправляйте в адрес любого члена редакции.

ЛЮДИ И ЛА ДЖУРКО

Желтый цветок на синем льду — плачет...
По острию ножа иду — наудачу...
Ветер зубами скрипит, бьется — в окна...
Серый котенок в луже звезд — мокнет...

Рваное облако манит вдаль — к солнцу...
Ядовит туман болот — бронью...
Отпусти же меня в путь — воли!...
Этот мир отзвучит в душе — болью...

Не держи ты меня: даль — манит...
Камни города босые ступни — ранят...
Лиса-оборотень козни — строит...
Весна из дому в путь — гонит...

Хочешь ли? Пойдем — вместе...
Поддержи два крыла — песней...
Солнце путь нам с тобой — осветит...
Даст Бог, выйдем из Зимы — к Лету...

Раскрась мне душу цветными красками,
Она устала быть черно-белой.
Раскрась мне душу добрыми сказками,
Чтобы стала она безрассудно-смелой.
За синим мазком — даль синих небес,
Вьсь синих гор и дно синих глаз,
И синего моря синий плеск,
И чистая боль, как будто алмаз.
За желтыми брызгами — солнца лучи,
Желтого пляжа земное тепло;
А в голубом — ледяные ключи
И колючего снега голубое зло.

В красном цвете — перезов мечей,
Шум полотнищ и конский топот,
В красном цвете — опасность речей
И красной крови бурлящий рокот.
В зеленом росчерке — шум дубрав,
И теплый ветер гуляет в ивах;
А в фиолетовом — сборник трав,
И сизые тучи плутают в нивах.
А в оранжевом цвете — запах зла,
Примесь опасности и привкус боли,
Которая есть, но она уж ушла
И уже не играет существенной роли.
Как же ты сложен, мир цветной!
Как ты путаешь своими оттенками.
Это как будто бы мир иной,
Отделяющий от людей бетонными стенками.

Диким вепрем бьет ветер в грудь,
Но не гнусь и лицо не прячу.
Осень! Осень... Ты просто будь!
И не верь нелепому плачу...
Уведи меня за собой
По полям и лесам золоченым,
Дай мне вволю напиться тобой,
Каждым листиком, словно точеным.
Дай зарыться лицом в листопад
Ярко-наглый и сразу — нежный.
Но не в город, прошу, не назад:
Он опасный и грязно-грешный.
Закружи снова голову мне,
Дай почувствовать легкость и ласку.
И предай жизнь мою золе,
Чтоб потом окунуть ее в краску.

- 656031, Барнаул, ул. Крупской, 141, к. 519

тоненький лазерный луч туфельной пряжки, видимый одному мне — две ноты, звучащие гармонично, но еще не аккорд, почему же у меня такое чувство, словно из тумана поднимается и уходит в невообразимую высь стройная башня с тяжелым колоколом наверху?

Я поднял глаза к потолку, к люстре, обтянутой проволочной сеткой и окруженной маленькими ангелами с трубами. Ангелят много, больше, чем сторон света на карте. Да, если такая люстра треснет, когда они вострубят, то зрители в партере даже не пострадают — сетка-с. Разве что только разлетится плафон в мелкую пыль, которая, медленно оседая, будет образовывать на головах шапки из стеклянного снега.

Я стал опускать глаза ниже. Бах пристально смотрел на меня, а Моцарт упорно отводил взгляд и глядел в оркестр. Так, а вот и Римский-Корсаков, который замечательно ладел оркестровой палитрой. А Мусоргский, палитрой-то? А Мусоргский не владел. Нет, позвольте, уж чем, а пол-литрой он владел весьма основательно.

И все же, отчего возникла Башня? Эта мысль беспокойно шевелилась во мне, несмотря на нирвану. Может быть, ее достроил свет, падающий из окна? Солнечных лучиков, правда, нет, но все равно, девятый час, а окна светлые... А может, она сконденсировалась из летнего тепла в середине весны, когда осознаешь наконец, что зима ушла окончательно, а впереди...

*Еще мы так молоды! Дождь лил все лето,
Но лодки качались за мокрым стеклом,
Трепали в зеленом саду пистолеты...
Как быстро, как неожиданно лето прошло!..*

Нет, лето еще впереди, оно, даст Бог, кончится нескоро, сколько всего хочется успеть сделать, и как жаль потерянного времени, бессмысленно казнувших хмурых часов и дней.

А, может быть, последней Нотой, необходимой, чтобы расквашивающийся Башенный Колокол лизнул языком свое медное небо, была мысль о том, что у тебя есть друг, с которым вы завтра отправитесь в поход по незнакомым граням нашего такого привычного мира, растворяясь в солнечном тепле и в маленьких пластмассовых стаканчиках с шампанским?..

Колокол гудел и вибрировал, никак не считаясь с ритмической сеткой дирижера, я, замирая, прислушивался к равномерно звону, и дрожь его передавалась всему телу, доходя до кончиков

- 117526, Москва, Ленинский пр., 144/5, кв. 61
- hcab@gagarinclub.ru

пальцев, начинающих тремолировать, как у выпившего скрипача. И больно, и приятно, очень грустно и невыразимо легко мне становилось...

Что-то я расчувствовался, и вообще это не колокольный звон, а ровное дыхание спящего мальчика. И в самом деле больно, спина устала, ужасно неудобно сидеть, а шевельнуться боязно — проснется. Как ты спишь. Иногда отец мальчика поворачивался к сыну и внимательно глядел, как тот спит, а затем снова отворачивался, покашливая в сторону. Кашель секко... Ладно, пусть отдохнет и спокойно послушает музыку.

Музыка — надо, кстати, заметить, так себе — добротно сделанная, но местами занудная и невообразимо затянута. Впрочем, посредственная музыка также имеет свои прелести. Ты не ловишь напряженно каждый звук, а спокойно внимаешь, сердце бьется ровно, есть время и подумать, и поглазеть по сторонам — оратория большая. Я не люблю глядеть в партер, сидя в амфитеатре: обязательно начинаешь считать лысины, а после покидываешь среднее их количество — выходит где-то 1,75 лысин на ряд, точнее, на полряда, ибо ряд мне виден только до прохода. Дисперсия значительная. А интересно, какое распределение? Нормальное? «Ты меня слушай, Привалов, все в мире распределяется по гауссиане».

Нет, куда интересней разглядывать людей, сидящих в амфитеатре на длинных, обитых зеленой холстиной скамьях — кто-то внимательно следит по клавиру, кто-то полулежит, облокотившись на бортик, кто-то откровенно зеваает. Какая-нибудь старушка непременно обмахивается программой, словно веером.

Только я стал следить за перемигиванием огоньков телекамер, как мальчик неожиданно проснулся. Он глубоко вздохнул и потряхнул головой. Спать ему больше не хотелось. Я с наслаждением потянулся. Уф-ф... какое же блаженство выпраммиться, повести плечами, размять затекшие мышцы. Да, спинному мозгу тоже иногда надо дать отдохнуть...

— Папа, пошли домой, — сказал мальчик негромко.

— Тише, сынок, ну, пошли, только тихонько.

Я смотрел, как они аккуратно пробираются к выходу. Башня истончалась и таяла. Я снова взглянул на сцену. Зеленый огонек все еще светил мне, но через некоторое время солистка поджала ноги, пряжка блеснула оранжевым, потом рубиновым цветом, и погасла.

20-25 апреля 2000 г

АЛЕКСАНДРА ПРОСКУРЯКОВА (МЛАДШАЯ)

* * *

Над степью золотистая луна
соперничает яркостью с кострами.
И в сонном мире дремлет тишина.
Молчанию уютно между нами.

Поодаль кони хрупают траву.
Несет прохладу свежий ветер взморья...
И сказка возникает наяву
от нового свидания с тобою.

Для нас играет скрипочка сверчка,
не надыхаться воздухом полынным.
Искрящаяся Млечная река,
как иней на шатре Вселенной, стынет.

Мы смотрим в небо. И идут часы.
И льдинки-звезды тают от дыханья,
сияют, будто капельки росы,
на бархате завесы мирозданья.

Блеск на мече, как струи серебра.
Малиновые вспышки на поленьях...
Мы рыцари пресветлого Добра,
единого в бесчисленных вселенных.

Ты только позови, и я приду.
А иногда совсем не надо зова, —
когда один почувствует беду,
что притаилась за спиной другого.

Миры, планеты, судьбы, времена
смешались в дерзком разноцветье Круга.
Меняем облик. Только имена
позволят нам с тобой узнать друг друга.

Лишь имена, цвет глаз да масть коней —
Пароль наш вечный. И не раз бывало:
смятенно замирал размах мечей
от взгляда синего через забрало.

Ты будешь ведьмой, белым магом — я.
Ты будешь королем, а я — пастушкой.
Два принца. Две девчужки-воробья....
Неизменимы только наши души.

Мой побратим, мой друг, моя сестра,
судьба странна, сложна и бесконечна.
И вопреки пространствам свет костра —
маяк волшебный — обещает встречу.

* * *

Неспокойное хмурое небо и грозный
прибой.
Вновь из бухты уходит суровый военный

• 169414, Республика Коми, г.Вой-Вож, ул.Комсомольская, 12, кв.9

фрегат.
На краешке пирса стоим мы, обнявшись, с тобой
и видим, как с палубы машет прощально наш брат.

Жаль, девчонкам на парусник хода по-прежнему нет:
говорят, будто женщина в море — помеха пути.
Капитан, повидали Вы многое, весь белый свет,
но не поняли, что лучших юнг Вам уже не найти.

Нам придется покинуть причал и вернуться домой,
в эти бурые стены, поросшие мхом и цветами,
в древний замок, затихший в тени и привычно пустой,
с потерявшими цвет и прозрачность свою витражами.

Пыльной скукою тянет от парты и пялец,
звук клавиесина и арфы давно презираем.
Дряхлый учитель — педант и занудливый старец —
Не знает, как справиться с нами. Мы сами не знаем.

Нам нужен простор, нужен мир необъятный и яркий,
где снасти поют, словно струны под пальцами ветра,
где волны просвечены солнцем полуденно-жарким,
где брызг белый жемчуг рассыпан привольно и щедро.

Мы построим с тобою, сестренка, свою бригантину,
без гвоздей и досок, без пеньки, без железа и меди.
Из искристого снега соткем для нее парусину,
на ванты нанижем росинки прошедшего лета.

Мы построим ее из мечтаний, баллад и легенд,
звона шлаг и мечей, старой нянюшки ласковых песен.
А в команду войдут Командор и любимый Поэт —
примет всех белокрылый Корабль, никому он не тесен.

И веселые мудрые Братья помогут понять,
как свела нас судьба вопреки временам и туманам.
У штурвала попросим седого Профессора стать,
невысокилки рядом, четыре его талисмана.

А Мастер великий научит серьезно влюбляться
в талант и отвагу, в бесстрашную совесть прозенрей,
ханжей ненавидеть, с безликою серостью драться,
за счастье бороться научит насмешливый гений.

...На рассветной заре, охватившей сияньем полнеба,
бросим якорь у острова, в синем заливе зеркальном.
Древний город нас встретит улыбой и запахом хлеба,
и напевом девичьим — то звонким,
то мутно-печальным.

Наш Остров чудесен, как чуден мятежный порыв
благородного разума, страсти горячего сердца.
Перекресток вселенных. Отсюда в любые миры
нас уведут пути осененного звездами детства.

— Извини, я всегда отличался повышенной
тактичностью.

— Впрочем, сюжет всё равно закрыт.

— Что так?

— Вход на сервер «Лотарингия» мне заблокиро-
ван. Точку коннекта они, надо полагать, отсле-
дили. Да и системные пароли поменяли.

— Тем более, ты и старые-то узнал случайно.

— Узнал? Слишком нейтральное слово. Сказать
по правде, подглядел. Порылся вчера утром в
Олежиной машине, пока отпрыск штаны на заня-
тиях просиживал.

— Ну так. Шпионим помаленьку. Скромно так,
по-домашнему. Кто-то когда-то об искренности
вещал, о доверии.

— А что мне оставалось делать, кроме как по-
пробовать докричаться оттуда? Каждый день, по-
нимаешь, каждый день видеть, как дети уходят от
тебя. Да разве только от нас с Мариной? Вообще
уходят — из реальности. Туда, в это кибернетиче-
ское непотребство.

— Так уж и непотребство? Там есть что-то, чего
не нашлось бы и тут, в суконном нашем бытии?

— Не ври, оно не суконное. Не только суконное.

— Вот только давай не будем ударяться в фило-
софию, ладно? Получится ещё хуже, чем у Ленки с
Олежкой их «Лотарингия». Столь же густой запа-
шок дилетантства.

— При чем тут философия? Дети уходят из
жизни.

— В другую жизнь.

— Которая не более, чем отражение этой. Вдо-
бавок ещё и зеркало кривое.

— А не рожа?

— Не заслоняйся банальностями от истины.

— А что есть истина?

— Ну вот, начинается... Ты же столько раз гово-
рил себе...

— И не только себе.

— И не только. Но ведь в самом же деле! Ленке
надо максимально использовать оставшиеся ме-
сяцы. Может, хоть со второй попытки сдаст. Голо-
ва-то у неё светлая. Но и вуз попроще надо при-
смотреть, на всякий пожарный. Согласен?

— Добавь ещё «присмотреть работу».

— И добавлю. Содержать красну девицу непол-
ных девятнадцати лет — это, знаешь ли,
накладно.

— Уж мне ли не знать. Статьками да рецензия-
ми палат каменных не нажать. Хотя, это как по-
смотреть. У каждого ребёнка своя комната, свой
компьютер, в гараже «шестёрка», пускай и по-
трёпанная, но вполне ещё на ходу. В общем, по
миру не идёшь, и не ври — не на сию тему у тебя
мозги болят.

— Ты прав. И ты знаешь, как это страшно. Я ста-
новлюсь им не нужен. Что я, что Марина. То есть
нет, нужны, конечно, но... Как обеденный стол,
как ботинки...

— Как воздух...

— Вот именно. Пока дышишь — не замечаешь.
Но это всё не то. Не о том. Я, именно я, делаюсь им
не нужным. Неинтересным, что ли. Да, согласен,
мама с папой — фигуры для них немаловажные.
Но именно что фигуры. Не персонажи. Заменя
нас любой другой парой из того же круга, и ниче-
го для Ленки с Олежкой не изменится. А поезд
ушёл — вот и бежим за паровозом.

— Это всегда говорили себе все родители. Ещё,
наверное, в каменном веке.

— Тогда не было виртуальности. Не было, куда
уйти. А им этот мир нужен, только чтобы не уме-
реть с голоду. Чтобы было, чем на кнопки нажи-
мать. А главное, а суть — там, в тронном зале, в
подвалах этих дурацких. Господи, и это мой
Олежка! Верховный инквизитор... Щипцы с длин-
ными ручками... Он же в пять лет всем детям иг-
рушки свои дарил.

— А как рыдал, когда Джула везли к ветеринару,
усыплять.

— А в шесть лет, помнишь, когда Маринкина
мама... Как он вечером подкрался сзади, прижал-
ся к моей ноге и тихо так попросил: «Папа, ты то-
лько не умирай, ладно? Никогда!»

— И ты ответил: «Ладно, малыш. Обещаю.»

— А теперь вот... Я всё думаю, он знал, кто та-
кой Философ, когда... Когда бросил факел? С од-
ной стороны, он столь заигрался, что забыл себя.
Что он не убудочный этот «де Брайен», а семи-
классник Олежка. А с другой...

— А с другой ты ему тонко намекнул на толстые
обстоятельства. Про двойку по алгебре,
помнишь?

— Но связал ли он? Хотя двойки, лекарство для
мамы, разбежавшиеся друзья-приятели... Не-
сложно вычислить, кто может быть в курсе всего
этого.

— И всё-таки ты никогда не узнаешь правды.

— Наверное, к счастью.

— Или наоборот. Пойми, тут не бывает простых
решений.

— Мне ли ты объясняешь? Я ли не запирал им
компьютеры на ключик?

— Что они и преодолевали посредством
булавки.

— Или вынимал модемы.

— После чего Ленка объявила голодовку, а шу-
стрый Олежка смылся на пару дней. Как выясни-
лось, к Лёнке Бутягину. Благо, родители у того
расслабились в очередном круизе, а пацана
оставили наедине с компьютером и глухой
прабабкой.

— Которую Лёничка строил по стойке
«смирно».

— «Тростию же направляя заблудшего на стезю
его...»

— Пробовал. Но знаешь, давай не будем. Вот
про это — не будем.

— Уж больно ты нежен, как я погляжу.

— Уж какой есть.

нравственности. А посему, учитывая закоренелость вышеобозначенного Философа во лжи и упорное его нежелание покаяться, Верховный королевский суд вынес приговор...

Старец надолго замолчал, шелковым платочком утирая выступивший на лбу пот. Благородное общество замерло в ожидании. Впрочем, плевать мне было на благородное общество. Я видел сейчас лишь королеву и Верховного инквизитора. Первая сжимала подлокотник походного раскладного трона, второй задумчиво поигрывал висящим у пояса кинжалом. Приглядевшись, я заметил, что с синей его мантии исчезли черепа. Однако!

Разумеется, и суд, и приговор были условностью. Здесь, на костровой поляне, ждал уже меня высокий, обложенный штабелями дров столб, вокруг припасены вязанки хвороста. Вязанок почему-то оказалось неправдоподобно много.

Неожиданная мысль обожгла меня: а что, будь это всё по-настоящему? Куда бы делся ироничный Философ? Уж не ползал ли бы в монарших ногах, вымывая хоть какую-никакую, а жизнишку?

— ...к сожжению на костре. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Ну, ещё бы. Кому жаловаться? Держателю сервера?

...Оказывается, мне что-то говорят. Ах да, последнее слово. Смотри ты, как цепляются за традицию. Книжек, видно, начитались.

— Ну что ж, — оглядел я присутствующих. — В принципе, всё, что хотел я сказать, уже сказано. К сожалению, без толку. Не думал, что вы окажетесь такими трусами.

— Чего же мы боимся, наглец? — выкрикнул кто-то из толпы. Судя по ярости тона, персонаж.

— Жизни вы боитесь, дамы и господа. Той самой обычной жизни, где королева провалила вступительные экзамены на юрфак, где инквизитор забросил спорт и нахватал двоек, где каждый из вас, который настоящий — ну, вы понимаете, о чём я, где каждый настоящий кого-то любит, кому-то обязан, на что-то способен. Где надо жить, напрягаться. А вы не любите напрягаться, халявщики. Боитесь. Вот и слепили себе всё это, — обвёл я рукой напрягшееся пространство. — Бездарно, кстати говоря, слепили. Хоть бы сперва книжки какие-никакие почитали. Вам, королева, тем более непорочно, — поклонился я в сторону трона. — Собираешься на юридический, так выучи историю. Как минимум в объёме школьной программы. Впрочем, ладно, я увлекся. Мне больше нечего вам сказать.

— И это верно, — медленно протянула королева. — Ты и так уже наговорил на тысячу костров. Ты пришёл в этот мир незванный, ты своими злобными речами портишь всё, к чему прикасаешься, ты грузишь нас! Уходи же, откуда пришёл, и не пытайся вернуться — доступ тебе будет перекрыт навечно. Стража! — звонко вскричала она, —

исполняйте же приговор суда!

Латники неторопливо двинулись ко мне, взяла за локти. Миг — и я оказался лицом в густой коллоидной траве, ещё миг — и меня содрали всю одежду. Быстро и умело. Господи, ну это-то зачем? Мало сжечь, надо ещё и унижить? Впрочем, не я ли кому-то внушал: унижить тебя можешь только ты сам. Так чего же я дергаюсь? И вообще, это кино надо досмотреть до конца.

Вскоре стальные цепи охватили мою грудь, и большими лопатками я ощутил тёплое смолистое дерево. На столб пошла сосна, из тех, что называют корабельными.

Королева махнула рукой с зажатым в ней белым платочком, и сейчас же Верховный инквизитор Ольвен де Брайен зашептал что-то людям в чёрных плащах.

Вскоре явился огонь — едва заметный сейчас, при свете утреннего солнца. Верховный инквизитор принял от черноплащного слуги факел. Красиво размахнулся и швырнул — далеко, через всю поляну, словно мяч на соревнованиях. Пламя тут же охватило хворост, затрещали, выбираясь по сухим веткам, рыжие язычки пламени.

Я поймал взгляд де Брайена — и вздрогнул. Он улыбался мне — свободно и открыто, как человек, что всё для себя уже решил, избавился от изнуряющих сомнений и навсегда выбрал свой путь.

А вот и королева неспешно поднялась с трона, величаво прошествовала к столбу и, взяв поданный лысым человечком в трико факел, весьма неизящно ткнула им в хворост.

Мне не надо было смотреть ей в глаза — я и так знал, что те у неё на мокром месте, что она, кажется, догадалась, кто пришёл в «Лотарингию» под видом юноши-философа. Но и она всё решила, хотя и не любит это дело, решать, предоставляя сие старшим. Конечно, если дело не касается развлечений.

А пламя уже коснулось моих ступней, обволокло их, облизало дымными язычками и медленно заструилось выше. Я вновь улыбнулся — и тут пришла боль. Этого никак не могло быть, это какое-то злое волшебство, но — жадная, изголодавшаяся боль пронзила меня насквозь. Огонь брал своё, а я, слабый человек, не хотел отдавать. И потому, ругнувшись, нажал кнопку Reset.

4.

Половина второго ночи. Фыркающий на газу чайник. За кухонным столом, возле пустой пока ещё чашки — я. Хлеб в украшенном мультяшными монстрами пакете. Сыр — в тёмной утробе холодильника.

— Ну что, сходил в «Лотарингию»? Понравилось?

— Да уж, ощущения незабываемые. Шкура, так сказать, в подпалинах.

— Только шкура?

— Ну ты спросил...

АЛЕКСАНДРА ПРОСКУРЯКОВА (СТАРШАЯ) СКАЗКА О СВЕЧЕ

I.
Поставлю на окно зажжённую свечу — прозрачный белый воск в объётах серебра, дрожащий огонек. Я думать не хочу, что догорит она напрасно, как вчера, как много дней назад, что тщетен мой запал и что верны слова всех недругов моих, что правы только те, кто сладко предсказал: обычной стану я, простой. Одной из них. Ах, как солиден слог и выверен их тон. И как возмущена их праведная речь!

Ведь каждый доброхот в округе убежден — соседку лично он сумеет остеречь. Соседка так глупа, неопытна, юна, хотя прекрасный замок ей принадлежит, хоть статью хороша и ликом недурна, хоть руки ко всему умеет приложить. Но разума в ней нет — поверила кому! Бродяге-старуку в отрёпье и рванье. Он напроорочил, мол, свеча разгонит тьму и свет её спасет героя на коне. Наговорил, наплел — язык-то без костей, монету получил и сгинул с глаз долой. А дурочка все ждет и непонятно ей — на свечку не придет ни принц и ни герой. «Шестнадцать лет даны, малышка, не навек. Пора сменить на твердь витанье в облаках. И нужен муж тебе, серьезный человек, размеренная жизнь, забота о деньгах. Потом сама поймешь: где выгода — там честь. И потекут рекой добро и сытость в дом...» А я молчу и жду. И верю — чудо есть! Да осенит оно сверкающим крылом!

II.
Однажды ночь пришла — такая, как всегда. Но ветер все крепчал, и темнота густела. Когда в ней утонула последняя звезда, и под ударом шквала стены заскрипели, я принесла, дрожа, подсвечник на окно, и мотылек огня затрепетал в ладонях. Какой тяжёлый мрак!.. Как душно и темно... Деревья в парке, словно люди, стонут. Вихрь проломил стекло, и заревела мгла. И темнота Беды обрушилась в покои. В ней ненависти яд, мощь и кипенье Зла, и миллионы глаз — она была живою! О, ясный огонек, не дай себя задуть! С безумьем не оставь меня наедине: страх сердце леденит, сжимает горло жуть, разверзся пол — погибель воеет в глубине!.. Вдруг молнии кинжал полнеба распорол — казалось, даже мрак попятился назад! И стало видно: к замку скачет верховой, зари вечерней свет струится с его лат. Меня оставив, злоба ринулась к нему. Он выхватил клинок. Как взрыв, ударил гром! Но меч не одолел — все

погрузилось в тьму, ни искры, ни звезды, ни отблеска кругом. Я вскинула свечу. Огонь, не угасай! Свети тому, кто встал меж мною и Бедой! Ты обо мне забудь и рыцаря спасай — с ним жизнью поделюсь!... А может, и судьбой. Услышали молитбу хранители мои: победный луч зажегся в девичьей руке, он был острой клинка — достал и раскроил всю Темную Землю. И в дальнем далеке среди ключев грозной мглы, как будто мне в ответ, затеплилась свеча — звезда, десяток, три... Фонарь луны помог пройти по той тропе, где конь гневной стаял. А рядом с ним — мой принц. Снял золотистый шлем, он оперся на меч. Усталое лицо и в инее виски. Походный серый плащ укрыл надежность плеч. Взгляд опьянил меня настоем колдовским... Наутро уезжал мой драгоценный друг. Сказал, вздохнув: «Прости, могу и не вернуться. Но если буду жив, то лишь к тебе приду, чтоб в море твоих глаз от счастья захлебнуться. А ты, любовь моя, на связана ничем — ни словом, ни кольцом. Свободна, словно птица. И можешь обо мне не вспоминать совсем. Лишь иногда позволь тебе присниться!» Но как не вспоминать, мой милый чародей?! Ведь первая любовь сильнее не только тьмы — и версты, и века склонятся перед ней. С рожденья мы друг другу сужены. Летит душа к тебе — попробуй, удержи. И ты со мною рядом: стоит оглянуться — взерошит ветер прядку спелой ржи и васильки, как будто очи, улыбнутся.

III.
С тех пор горит моя венчальная свеча. Проходит день, как год. А год похож на век. Не плавится она, ярка и горяча. И верю, что ему поможет этот свет. Пусть жизнь моя трудна. Злословят? Что ж, терплю. Я не страшусь молвы и одиноких лет. Все думы лишь о нем, и Господа моллю: пусть раненый, любой — вернется он ко мне!

IV.
Недаром я ждала — настал желанный час! Алмазный звездопад развеял все тревоги. Победно вспыхнула заветная свеча. Встал синеглазый рыцарь на пороге.

V.
Когда ты далеко — труба зовет в поход — я сыну говорю, прильнувшему ко мне: из-за морей и стран отца к нам приведет немеркнувший маяк — огонь в моем окне.

• 169414, Республика Коми, г.Вой-Вож, ул.Комсомольская, 12, кв.9

ОЛЕГ СОРОКИН

ДВЕРЬ В МНОЗЕМЬЕ

— Олечка, давай уйдем вместе! Ну как я там буду один, без тебя?

— Нет, — Олег поправил на плече широкий ремень от тяжелого автомата. — Кто-то должен остаться.

— Ну, тогда и я не пойду! — мокрыми злыми глазами Глебка упрямо взглянул на старшего брата.

— Пойдешь, — усталым голосом, но непреклонно сказал Олег. — Так нужно.

Серебряный Ключ догорал. Десять суток стратегическая авиация Южной Империи методично громила столицу мятежной Угорской республики. Вчерашним утром сам Хасан-паша объявил по радио, что все, кто не уйдет из города к исходу нынешнего дня, при штурме будут уничтожены, как несомненные бандиты.

Олег уходит не хотел. Он решил остаться до конца. Да и что ему делать, куда идти в разоренной, захваченной врагами стране? В стране, которую отец его, Борис Зимянин, надеялся когда-нибудь увидеть богатую, свободной и счастливой. И делал все для этого, когда был главой городского совета. И детей своих учил этому же. Он был неубоден, отец, для новоявленных хозяев края, разбогатевших на войне и рвущихся урвать, где только можно. Для тех, кто в итоге привел страну к гибели, уверовав в свою непобедимость. И ненавистен для Имперцев — чьим противником отец всегда был, — презирающих свободу выбора многочисленного горного народа. Недаром первые ракеты, упавшие на город, попали в задние Соведа, где был тогда отец.

Олег им этого никогда не простит!

Имперцы говорили, что пришли, чтобы привести в стране порядок. Ну да, беспорядка в республике было немало. Как и в любом другом месте, где по причине войны было мало работы и много людей, привыкших к оружию. Быть может, одряхлевшая империя оставила бы край в покое, как смирилась с потерей других отпавших земель. Но в Угорском Крае слишком много богатейших серебряных месторождений, с потерей которых Империя не соглашалась. А тут еще и престарелый император заболел, и его наследники спешили победною войною укрепить свое влияние в народе и войсках.

Все, что мог и хотел, ушли уже из обреченного города. Их Олег не осуждал. Он считал, что остаться должны только те, кто в силах держать оружие.

И Глебка тоже должен уходить. Туда, докуда не дотянутся вовек жадные руки Империи.

Они шли по пустынной, разбитой снарядами

улице, мимо сгоревших домов. Олег — невысокий серьезный парнишка в камуфляже, с автоматом через плечо — впереди, а сердито надушенный Глебка, который был младше брата на четыре года, недовольно плелся след за ним. Весь вид его щуплой тонкошей фигурки выражал крайнее возмущение происходящим. Свернули в переулок, лишь смутно знакомый по мирному времени. Здесь раньше стоял из дом. Спустились в темный подвал полуразрушенной школы. Светя фонариком, Олег разыскал в его дальнем углу плотно закрытую дверь. Посмотрел на часы.

— Успели. Еще пять минут.

— А может, не надо? Ну как я там буду один? — повторил опять Глебка. — Лучше уж вместе с тобою...

— Не начинай опять. Все хорошо с тобой будет. Найдешь Лютомира, отдашь ему ключ. Ты его еще не потерял?

— Нет, — сердито буркнул Глебка, трогая прицепленный к пояску небольшую серебряный ключик с ажурной бородкой. Исподлобья посмотрел на брата влажными серыми глазами. — Тебе хорошо говорить, не тебе там... — начал он хриплым голосом.

Дверь, на которой не было заметно ни ручки, ни скважины для ключа, ни замка, вдруг растворилась с легким скрипом, словно под дуновением ветра. Сама собою. За высоким порогом смутно виднелся в темноте узкий каменный коридор. На полу лежали полосы неяркого лунного света.

— Все, тебе пора, — сказал Олег.

Всхлипнув, Глебка прижался к нему. Олег на мгновение обнял братишку. Затем резким движением оттолкнул его от себя, отшвырнул за порог. Дверь мягко закрылась.

Глебка вскочил с пола, куда он упал от толчка. С горьким криком метнулся обратно к двери. Грнулся об нее всем телом, замолотил кулаками. Дверь не шелохнулась. Она была здесь словно каменная, неотличимая от скальной породы, что была вокруг. И совсем незаметная в неярком лунном свете, лишь тонкая полоска-трещинка едва виднелась в том месте, где захлопнулась дверь.

Глебка всхлипнул опять, оттолкнулся от каменной стенки, что разделила его с братом, разлучила навсегда. Он медленно побрел прочь по каменному коридору. Вернее, это был не коридор, а, кажется, пещера. Ну да, Олег ведь говорил. Выход был неподалеку.

Висела в звездном летнем небе полная громадная луна, освещающая широкое озеро и скалистый высокий берег, на котором стоял сейчас Глебка. Ему навстречу по воде бежала лунная дорожка.

королевы, а голос сделался по-осеннему стылым.

— Значит, и здесь, будучи подвешен на дыбе, ты продолжаешь упорствовать? Видно, мало тебе казалось полученных плетей? На что ты надеешься, еретик?

— На твой здравый смысл, преподобие, — не спеша отозвался я. — На то, что тебе знакомо чувство меры, хотя бы иногда. Равно как и чувство юмора.

— Тебе ли говорить о юморе? — нахмурился инквизитор. — Зная, какое тебя ждёт наказание, ты продолжаешь смеяться? Воистину, вот оно, безрассудство. Конечно, твоя молодость может послужить неким оправданием, ибо сказано: «Млад он и зелен, и помыслы его колеблемы южным ветром. Тростию же направляй заблудшего на стезю его, и благом тебе возрад, войдя в возраст».

— Красиво сказано, — искренне порадовался я. — Сам придумал, или скачал где-то?

— Сие есть древняя истина, — заявил он столь обиженным тоном, что я понял — скачал.

— К сожалению, тростью делу не помочь, — вздохнул я. — Уж вам ли это не знать, ваше преподобие?

— Не было ещё еретика, коего не сумел бы я убедить, — вздёрнул голову инквизитор. — Тростью ли, иными ли средствами...

— Ну, насчёт виртуальных еретиков не знаю, — отозвался я с той же грустной усмешкой. — Я их не программировал. Что же до меня, вам лучше прислушаться к голосу истины.

— А что есть истина? — скептически взглянул на меня де Брайен.

— Истина в том, дорогое ты моё преподобие, что на голове у тебя шломо со множеством проводов, и сплетаются они в общий кабель, и тянутся к последовательному порту. А руки твои лежат на клавиатуре и судорожно нажимают кнопки, а на модеме мигают зелёные огоньки.

— Это всё? — хмыкнул инквизитор.

— Нет, конечно. Ещё она, истина, в том, что мама больна, а тебе, разумеется, некогда съездить в аптеку за инсулином. Здесь, в Лотарингии, у тебя проблемы поважнее. Еретиков пытать, орков гонять... Истина также и то, что завтра предстоит итоговая контрольная по алгебре, а ты ещё ту двойку не закрыл. Истина номер четыре — ты перестал читать книги, ты забросил даже секцию айкидо, а ведь, между прочим, было заплачено за полгода вперёд. Пятая истина — ты теряешь друзей. Тех, у кого нет модема, с кем надо общаться в режиме реального времени. Довольно, преподобие? А ведь есть ещё и шестая, и седьмая...

— Умолки, грешник, — негодуя взревел инквизитор. Он соскочил с табуретки, и та покатила по каменным плитам пола. Он схватил было узкий, с вшитой на конце свинцовой гиришкой, кнут, бросил его и метнулся к жаровне, где калились клещи с длинными ручками.

— Самое время выпить чашечку кофе, — заметил я, тут же последовав своим словам. Сахару, впрочем, бухнуто было излишне — приторный вкус назойливостью не уступал иоильской мухе. Впрочем, парочка бутербродов заметно подняла мой тонус.

— И даже это тебя не убеждает, — устало пробормотал инквизитор, швыряя клещи в чан с водой. Омерзительное шипение малость заглушило его слова. — Ну что тебе от нас надо? — выдавил он, поднимая отброшенную табуретку. — Чего ты нас всех достаёшь? Пойми, этот мир — наш. А ты влез и всё напортил. Кто бы ты ни был, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

— Сердце моё полно жалости, — в тон ему отозвался я. — Я не могу этого сделать.

— Тогда... — мрачно отозвался инквизитор, — доверимся предначертанному.

Он стукнул в дубовую, обитую стальными пластинами дверь, и сейчас же камеру наполнили гремящие железом латники.

— Снимите, — кивнул де Брайен на висящего меня. — В сто тридцатую. Отлживайся до суда, грешник.

3.

— И принимая во внимание вышеизложенное... — ткнул козлиным тенорком благообразный старец-судья. Его пышные седины качались в такт словам, и невозможно было понять — настоящие ли это волосы, или парик.

Хотя солнце едва поднялось над иззубренным еловым горизонтом, уже изрядно припекало. Старцы в лисьих шубах, надо полагать, тушились в собственном соку, придворные дамы своими веерами подражали вентилятору, а многочисленные рыцари... О, не хотел бы я оказаться внутри этих железок! К полудню, должно быть, доблестные воины спекутся напрочь.

Видно, я слишком втянулся в сюжет, если всерьёз размышляю об ощущениях фантомов. Правда, если это не фигуры, а персонажи, подобно инквизитору и королеве, да ещё и шлемы у них хорошие, хьюлет-паккардовские, то возможно... Нет, вряд ли. Персонажи — они на главные места рвутся, им трон подавай. Интересно, а этот дедушка, Генеральный судья, он кто? Фигура или персонаж?

— И принимая во внимание вышеизложенное, Верховный королевский суд рассмотрел имеющиеся свидетельства и установил несомненную виновность бродяги, прозывающегося Философом. Сей грешник смущал подданных королевства дерзкими и безумными идеями, пытаясь по диавольскому наущению посеять в благочестивых душах сомнения в основах мироздания, и тем самым повергнуть оные души в бездну мрачного отчаяния. Налицо нарушение Великого королевского свода уложений, параграфы 130, 215, 98, а также древней правды лотарингов и норм

грубы, — заметил я, глядя в карие, испытующие его глаза. — Оно, кстати, и вашему сану неприлично. Лучше уж так: «Не суесловь, сын мой, ибо вскоре, после имеющей быть между нами проникновенной беседы, ты и сам с глубокой горечью осознаешь, сколь пагубны твои заблуждения...» Вот на таком языке я согласен разговаривать.

— Языки здесь выбираю я, грешник, — насмешливо прищурился де Брайен. — Что же до твоего, то он излишне остёр. А подобный язык подлечит удалению, ибо сказано: «Язык твой...»

— «Враг мой», — закончил я за него цитату.

— Ты прав, философ. Но ты прав и ещё в одном — заблуждения свои придётся тебе осознать, и очень скоро.

Он всегда был излишне уверен в себе.

— Стража! — кивнул де Брайен подпирющим двери латникам. — Обвиняемого — на третий подземный ярус, в двести пятнадцатую допросную. — Верховный инквизитор задумчиво взглянул на меня, словно припоминая что-то, затем добавил: — До встречи, грешник.

— До встречи, ваше преосвященство, — грустно улыбнулся я в ответ. — Да, черепа с мантии снимки. Перед людьми неудобно. Это ведь вовсе не инквизиторские побрякушки.

— Разве? — слегка опешил де Брайен. — Ну и что, а если мне нравится?

Вкусы у него всегда были так себе.

2.

— Итак, ты не хочешь покаяться в своих заблуждениях? — неожиданно мягко поинтересовался де Брайен, глядя на меня снизу вверх.

Камеру освещал всего лишь один, воткнутый в позеленевшее медное кольцо, факел, рывчатое пламя чадило и потрескивало, точно зуб в клещах неумелого дантиста. Аналогия была под стать обстановочке — малиновым цветом наливались прутья жаровни, тускло поблёскивали разложенные на столе кривые щипчики, висели на стене разнообразного ассортимента плети. Вдобавок имелась в камере и дыба, на которой я, собственно, и висел — с вывернутыми локтями, голый по пояс, и спину мою украшало с десяток сизо-багровых рубцов.

Наверное, мне было очень больно.

— Покаяться? В чём именно, ваше преподобие? — сухо осведомился я, наблюдая за угнездившемся на потолочной балке неопырём. Красивая была мышь, как в детских книжках с цветными картинками.

— Ну вот, на колу мочало, — обиделся Верховный инквизитор. Он примостился на узенькой табуретке, обратив ко мне своё мужественное, в ореоле чёрно-рыжей бороды, лицо.

— Да, огласите весь список, — кивнул я с высоты своего положения.

— Итак, ты утверждаешь, философ, — наклонился де Брайен к пергаментному свитку, — что

светлый мир наш, славное королевство Лотарингия, равно как и лежащие от неё по четырём сторонам света земли, с лесами и реками, озёрами и пажитями, высокое небо и мрачные бездны — что всё это не более чем морок, фантазия, лишь благодаря хитроумному устройству видимая. Было такое?

— Было, — согласился я. — Было, есть и боюсь, что будет.

— Ну, насчёт «будет» сомнительно, — покачал головой инквизитор. — Из этих стен, юноша, выходят лишь на костровую поляну. А что касаемо «было», то дерзостные свои речи возглашал ты в трактире «Королевский тигр» на улице Чёрного ветра, чем привёл в смущение неповинных ни в коем грехе горожан. Далее, направил ты свои отягощённые злом стопы в аббатство Святого Армагеддония, что находится в графстве Бенуа, и там проповедовал своё еретическое учение. Будучи взят благочестивыми братьями под стражу, не укоротил ты своего злого языка и вещал из ямы об иллюзорности мира сего. Настоятель же, преосвященный Глостер, направил о том депешу в столицу королевства, в славный наш Брандберг. И коль скоро её королевское величество соблаговолили выслушать тебя и разрешить сие дело согласно древним установлениям нашим, ты, еретик, представ пред светлыми её очами, не только не раскаялся с своих заблуждениях, уповав на монаршую милость, но тем более злобствовал, извергая хульные речи, противные разуму и сердцу.

Нет, далеко ему было до королевы. То и дело инквизитор останавливался, подглядывал в бумажку, и в течение долгих пауз напряжённо сопел, причём уши его наливались цветом спелой малины. Куда там жаровне!

Хотя, конечно, графика у него тут была потрясающая.

— Признаёшь ли ты имевшие место прискорбные факты? — оторвался от пергамента де Брайен.

— Отчего ж не признать, — улыбнулся я. — Но вот насчёт прискорбных... Тут уж я никак с вашим преподобием не соглашусь. Мир, то есть, конечно, настоящий мир, а не это ваше рукописное средневековье — он куда больше и интереснее, чем вы думаете. Чем скорее вы это поймёте, ваше преподобие, тем лучше будет для всех. В конце концов, разве не глупо — сидеть, уткнувшись носом в монитор, щёлкать по клавиатуре и думать, что всё это взаправду. На улице, кстати сказать, весна, солнышко греет, ручейки по асфальту текут, бензиновые. Понимаешь, настоящие ручейки, не оцифрованные. И столько там дел, дорожки моей инквизитор... С девочкой хотя бы прошвырнуться куда-то, двойку по алгебре исправить.

Нет, это я зря. Нельзя нарушать правила. Но вот вырвалось ведь, и назад не засунешь. А лицо де Брайена сейчас же напряглось, глаза превратились в узенькие злые щёлочки, как давеча у

На берегу, неподалеку, в ста шагах, был виден город с деревянными стенами крепости. Олег говорил, здесь совсем другая земля. И даже время другое. Здесь предстоит Глебке жить, пока он не вырастет. А потом... Мальчишка оглянулся, посмотрел на темный зев пещеры, в которой

притаилась Дверь, соединяющая Земли. Она открывается на миг, сказал Олег, всего лишь раз в 12 лет. Но все же приоткрывается. Значит...

Глебка отвернулся от пещеры и решительно начал спускаться по узкой тропинке к городу.

— Я вернусь!

• 456910, Челябинская обл, г.Сатка, ул.Пролетарская, 57, кв.52, А.Соколову (для О.Сорокина)

ЯНА ЗНАМЕНСКАЯ

Мне кажется — я пробудилась от зябкого сна,
В котором — как будто не спишь... Или спишь — непонятно...
И зыбкостью выбора — надо ль вернуться обратно? — Я, словно букетом средь бала, отягощена.

Я видела рядом какую-то смутную тень —
Как будто бы вечер колышет окна занавески,
И это показано на киноплёнке нерезкой...
И так нереален еще непроявленный день.

Не хочется верить, не хочется осознавать,
Что я просыпаюсь, и значит — мне это не снится,
А нечто во мне так и рвется подалее забиться
В глубь сна — как ребенок во время грозы —
под кровать...

И вдруг — пеньё птиц, пробудивших весенний рассвет
И сразу теряют значенье все колебанья,
Глаза открываю — живу настоящей ранью...
А странная тень?.. Почему-то ее рядом нет...

Мое отраженье — осенняя астра:
Весной на цветок она мало похожа,
А летом, не думая много о завтра,
Купается в солнечном свете всей кожей.

Бутон набирает, и вот — расцветает.
И стынет в осенних дождях одиноко,
И ярким цветеньем своим удивляет
До первых морозов внезапного срока.

(Спасибо —
«Песни песней»
и Натану Альтерману)

Шла я по городу,
По улицам и площадям,
И хотела встретить тебя,
Кого ищет душа моя...
Я всматривалась в каждое лицо,
А лица пытались закрыться
Занавесом из дождевых капель.
Прошел дождь,
Пошел снег...

А я все шла
По бесконечным улицам...
И вдруг обернулась —
И увидела его.
И он прошептал:
— Наконец-то я тебя догнал!..

Как неожиданно падают листья
Осенью ранней — один... второй...
Словно брызги с невидимой кисти —
Желтый, и бурый, и золотой...

Как реставратор со старой фрески
Стирает прикрасы недавних лет —
Скоро и осень сотрет этот резкий,
Всем завладевший зеленый цвет.

А когда окончит свои старанья —
Мир станет прозрачен и чист как ручей.
И вновь мы увидим ее призыванье —
Проникновение в суть вещей...

Человечество —
Комочек глины
В чьей-то огромной руке.
Кто-то этот комочек мнет, разминает —
И мы внезапно
Встречаем друг друга,
То расстаемся
Так же нежданно.
Отпадет от комочка маленькая частичка —

И кто-то не встретится
В жизни нам больше...

Быть может, когда-нибудь
Станет этот комочек
Прекрасным сосудом
Для живой воды.
А может быть,
Неведомый Мастер
Устанет и скажет:
— Что-то совсем не мнется,
Подыщу-ка другую глину, —

И бросит комочек
В бескрайнее море хаоса.

27 НИСАНА

Сегодня, Рахиль, по всем детям твоим
В скорби опущены руки.
И слышатся «Эль мале рахамим»,
Полные боли звуки:

«Те, что расстреляны и сожжены,
Что в землю зарыты живыми, —
Все в твоей памяти сохранены,
ты помнишь каждое имя...»

Свеча моя, гори же, гори,
Горячими плачь слезами,
И пусть в багрянце вечерней зари
Твое отразится пламя.

Трепет тысяч и тысяч свечей —
Словно сердец биенье.
Как будто нет беззвездных ночей,
И невозможно забвенью.

Но в старых местечках пустые дома
Открыты лишь ветру да пыли.
Свеча догорит — и спустится тьма,
Скорбная тьма бессилья.

«За три года
Сноси три пары железных сапог,
Съешь три железных караваев хлеба —
И тогда встретишь его».

Иду.
Сапоги мешают идти быстро.
Железный хлеб становится соленым от слез.
День неотличим от ночи...

Иду из последних сил.
Босые ноги ступают по острым камням,
Во рту давно не было даже железной крошки.
Может быть, уже четвертый год пошел...

«Глупая доверчивая дурочка!
Ведь даже в сказках
Не все обещания выполняются...»

Странные люди
Задают глупый вопрос:
«Который час?»
Время, оказывается,

Куда-то течет,
Захлестывает волнами...
Только я стою совершенно сухая.
С тех пор,
Как я встретила Вас,
Мне не нужны часы.
От Вечности до Вечности,
От одной встречи до следующей —
Всего один миг.
И он еще не прошел.

Взгляд на Ваши окна подняла —
В них был свет, приветливый и ясный.
Я глаза в смятении отвела,
Вновь взглянула — а они погасли.

Бывают такие странные встречи,
От которых сердце разбивается на
Две половинки.
Одна бьется себе там в груди,
Пусть вполсилы, но все же,
А другую держишь, как дурочка, в руке,
Словно растаявшую на солнце конфету:
И положить никуда нельзя,
И отдать некому.
Не побежишь же догонять...

У каждого из нас внутри —
Испорченный телефон.
Ежедневно набираю чей-нибудь номер
И пытаюсь дозвониться.
Но одни подолгу не берут трубку,
А другие говорят: «Вы ошиблись».
А кто-то пытается дозвониться до меня
И не может...

А где-то есть человек,
Чей голос я когда-то услышала случайно
И очень хочу услышать вновь.
Но Всемирная паутина
Испорченных телефонов
Совсем для этого не приспособлена...

Из рамы клещами выдернули
Старый заржавевший гвоздь.
А маленький атом железа,
Случайно оставшийся в дырке,
не поймет, почему так внезапно
Вселенная стала другой...

ВималиЙ КаПлал

ФилОсОф

1.

— Довольно, философ! — мелодичным голосом
изрекла королева. — Довольно наслушались мы
твоих речей, и находим их дерзкими и возмутитель-
ными, оскорбляющими наш слух. А потому...

Она перевела дыхание, соображая, видимо, что
же говорить дальше. Щеки её пылали пунцовыми,
цвета переспелых помидоров, пятнами, а глаза,
неправдоподобно огромные глаза, превратились
теперь в узкие щёлочки-бойницы. И куда делась
тщательно наведённая красота! Не спасали поло-
жение даже изысканно завитые льняные локоны.
Аристократически бледная кожа как-то вдруг по-
серела, сморщилась. Да, хрупкая вещь — красо-
та. Не знаю уж, как она сумеет спасти мир.

Наверное, сторонний наблюдатель съёжился бы
сейчас под королевским взглядом — тот, по идее,
должен был пронзать насквозь, обжигать, вгонять
в трепет и вообще уравнивать любую единицу с
толстеньким нуликом.

И, конечно, мрачно закивали придворные. Вы-
сохшие старцы в лисьих шубах деловито перегля-
нулись, багроволицые здоровяки в стальных пан-
цирях как бы невзначай стиснули рукояти длин-
ных, едва ли не в рост их обладателей, мечей, а на-
пудренные дамы, точно по команде,
сконфузились.

Однако я не был сторонним наблюдателем и, не-
смотря на всю эту мишуру, понимал, что из монар-
ших глаз готовы выкатиться горячие, злые слёзы,
и готовы прямо вот сейчас искривиться от обиды
излишне тонкие губы — ей всегда не хватало чув-
ства меры. Растерянность сквозила за её наскоро
слепленной суровостью. Правда, знал об этом
один лишь я.

— А потому, — выдохнула наконец королева, —
мы, Божьей милостью Брунгильда Первая, власти-
тельница славного королевства Лотарингия, по-
велеваем! — Она выпрямилась, довольная своей
формулировкой. — Дерзкого философа взять в
железа и заточить в подвалах Башни Справедли-
вости. Верховному же инквизитору нашему, бла-
городному Ольвену де Брайену, с тщанием вели-
ким произвести дознание по сему прискорбному
делу, дабы оградить спокойствие наших добрых
подданных и пресечь крамолу со всеми бесовски-
ми корнями её. Такова наша воля!

Всё это королева произнесла на одном дыха-
нии, ни разу не сбившись на свои излюбленные
словечки: «ну, это самое», «короче», «в общем».
Что ж, делаем успехи.

Никто не шелохнулся во время её речи, и даже
солнечный свет, струющийся из высоких стрель-
чатых окон на мраморные плиты тронного зала,

тоже замер, опасаясь нарушить торжественность
момента.

Королева поёрзала, устраиваясь поудобнее на
необъятном золотом троне, и бросила на меня ко-
роткий, ликующий взгляд. Он означал что-то вро-
де «Ну как, съел? Так чья взяла, философ?»

Ладно, эти взгляды нам знакомы. Более чем.

— Я только что хочу сказать, ваше величество,
— кашлянув, сообщил я не то королеве, не то
окружающему пространству. — Старайтесь уж
как-то соответствовать, что ли. Имеется, знаете
ли, ряд досадных неточностей. Надо бы подкор-
ректировать. Во-первых, ваша свита, — я сделал
нарочито длинную паузу, оглядывая притихших
придворных. — Так вот, ведомо ли вам, моя коро-
лева, что никто — ни бароны, ни герцоги, ни про-
чая живность в тронный зал с оружием не допус-
кается. Нигде и никогда. Сие дозволено только
личной королевской страже. Ну, вы понимаете —
феодалная раздробленность и озлобленность,
заговоры там всякие, смуты... В общем, элемен-
тарная техника королевской безопасности.

Королева молчала, переваривая услышанное, и
её злую растерянность уловил бы сейчас даже
сторонний наблюдатель. Которого, разумеется,
нет и быть не может. Сюжет абсолютно
приватный.

Я отхлебнул кофе — тот, оказывается, успел
уже остыть, и продолжал:

— А кстати, почему Лотарингия? Мелкая, мало-
интересная французская провинция. Я думал, бу-
дет нечто помасштабнее. Звучит, впрочем, краси-
во. Лотара-миротворца напоминает... Да, и по-
следняя поправка. Этот ваш верховный инквизи-
тор... Понимаете, ваше величество, имя у него не-
подходящее. Если Брайен, то никак уж не «де». А
если «де», то никак уж не Брайен. Выберите
что-то одно. А то ведь гибрид получается.

— Ну ты, умный, поговори мне, — выдвинулся
из-за спин придворных некто высокий, борода-
тый, в синей, украшенной какими-то белыми
блямбами, мантии.

Бородач приблизился ко мне вплотную, белые
блямбы на поверку оказались маленькими оспа-
ленными черепами, вышитыми столь искусно, что
хоть сейчас в учебник анатомии.

Вот, значит, он какой, верховный инквизитор
Ольвен де Брайен. Всё предсказуемо — рост под
два метра, мощные руки, более смахивающие на
медвежьи лапы, густая, с еле заметной рыжиной
борода, ниспадающие на плечи волосы. Тонзуры,
конечно, нет. Видимо, не хочет казаться лысым. А
может, и не слышал он ничего о тонзуре.

— Что-то вы, ваше преосвященство, слишком

как сурок! В подъезде скрипнула чья-то дверь и стало тихо.

— К Михайловскому залез, паскуда! Надо звонить в милицию! — Вера Степановна накинута старенькое пальто, обулась — единственный телефон был на улице, через дорогу. Взяла в руки оружие самозащиты — мужнин валенок, тихо приоткрыла дверь и выскользнула на площадку. В нос ударил запах картофельной кожуры — следы последней ссоры Степановны и Михайловского. Сорились они часто.

Летом, например, сосед своего пса выгулял на цветочной клумбе у подъезда. Клумбу эту Степановна выхаживала всю весну. Ирод какой! Совсем совесть потерял. Она, значит, на карачках ползала, по уши в грязи, а его, значить, пес помять все и загадить должен?

А недавно Васька мусор выносил, да и просыпал картофельные очистки на лестнице. Степановна уже собралась пойти собрать, а тут Михайловский явился и потребовал убрать немедленно мусор. Хам, а? Из упрямства не стала убирать. Хлопнула перед его лицом дверью — сам уберет, если не нравится!

Дня три уж валяются очистки на лестнице, и никому до них нет дела — этаж у них последний, а на площадке только их две квартиры...

Но сейчас не до ссор — вор залез! А потому женщина переступила через мусор и понеслась вниз по лестнице. И откуда только силы взялись — в ее-то годах? Вспомнилась, наверно, ее партизанская молодость, вся ненависть к врагу — вот и бежала она, пока не выскочила на улицу.

Холодный ветер тут же впечился в волосы Веры Степановны, разметал их, обсыпал снегом. Нагнувшись супротив ветра, посеменела

• 462419, Оренбургская обл, Орск, ул.Ленина, 31, кв.61 • vladim@email.org.us

ЛЮТА (ДАША ЛЕБЕДЕВА)

посв. Алексею Сальникову

Где-то вдаль я слышу крик петуха...
Слова по хрупким граням скользнет нога.
Звезды вспыхнут, раскинув небес простор.
Вы улыбнетесь им, Командор.

Сотни забот и слез позабыты вдруг.
Где-то в беде — вы услышите — чей-то друг,
Где-то опять война и опять раздор -
Выбор не Вами сделан, Командор.

И в одиночестве липком сорвется крик...
Сотни дорог пройди, я теряю привык,
Но захлебнется болью опять душа...
Только один — лишь один, но неверный — шаг.

• 107082, Москва, ул. Большая Почтовая, 18/20, к.4, кв.208 • lytaalexander@mtu-net.ru

Степановна к телефону. Ветер метался вокруг, стараясь распахнуть пальтишко старой женщины.

— Ох! Я свою квартиру-то не закрыла, дура старая! К нам тож залезет, выродок! — Степановна от этой мысли встала, как вкопанная. Оглянулась на свои окна. Те грустно смотрели на женщину темными стеклами, а вот...

А вот у Михайловского горел свет! Смутное воспоминание шевельнулось где-то в голове:

— Вроде сын сегодня должен был приехать к Михайловскому с севера? — прошептала Степановна, — Точно! Старик Михайловский еще кому-то из соседней днем хвалился! Ой, правда!

Женщина запрокинула голову навстречу снегопаду и тихо засмеялась над собственной глупостью.

Обратная дорога тяжело ей далась — и как это она вперед бежала?

За дверью соседа слышен был молодой мужской басок, хихиканье Михайловского и хлопанье дверцы холодильника. Улыбнувшись, Вера Степановна вернулась в квартиру, которая встретила ее тишиной, покоем и нарастающим храпом Ефима Викторовича... На следующее утро в окна старой квартиры на пятом этаже, заглянуло солнце, залив прозрачными и теплыми лучами скачущего по комнатам пацана Ваську: — Снег! Первый снег! Деда, вставай! Все белое-белое! Пошли гулять!

Заглянуло солнце и в подъезд, где старая женщина отскребала совочком примерзшие картофельные очистки. Так родился день. Новый, морозно-чистый, несущий всем мир, день!

1991 г. Оренбург

И на глазах у малышки блеснет слеза,
Всплину наивно, будто беды не знал,
В Ваши глаза взгляну — в них застыл укор...
Что ж Вы опять молчите, Командор?

Путь Ваш окончен, а нам предстоит идти
Вдаль по дорогам — на карте их не найти.
Только Кристалл, только граней коридор...
Что ж, пора прощаться, Командор...

Дети уходят, и Время уйдет вослед.
Шаг в пустоту, а за нею — на все ответ.
Только окошко манит назад в покой...
Не обернусь — лишь память возьму с собой...

9.04.99

(В. Крапивин "Крик петуха")

ВЛАДИМ ФИЛИПОВ

ОЖИДАНИЕ

Телевизор что-то радостно бубнил, безрезультатно борясь с приглушенным звуком. Тикали часы на стене. До конца года осталось несколько минут. Сейчас появится президент.

Я бездумно смотрел на экран — внутри меня пушистым котенком свернулась тишина. Настроение дождливое какое-то. Праздник умчался сегодня утром, захлопнув за собой дверь, закрыв от меня шум и веселую суету.

Мама с папой, проведая, что я проведу новогоднюю ночь дома и согласен остаться один с братишкой, быстро собрались и, расцеловав нас, унеслись к друзьям.

Раньше бы я на такое не пошел — в шестнадцать лет сидеть дома редко кого заставишь! Ха! Но это раньше... Когда я еще не знал... Да, собственно, что надо было знать? Что Аленка...

Слушай, парень! Ты дал себе слово, что Аленка забыта! Что ты все время выплываешь на нее? Вот когда зуб ноет, его тоже все время трогаешь языком, морщась от боли, пока не заболит так, что с ума сходишь...

А сегодня утром я торчал у дома Аленки с подарком и тихой надеждой, что после разговора с ней в наших отношениях все изменится к лучшему.

Ух, как я готовился к этому! Оттачивал слова, подбирал мимику, чтобы казаться не очень безобразным.

То, что я некрасивый, мне стало известно рано утром, когда, умываясь, я взглядел в свое отражение. Где тот симпатичный пацаненок, сероглазый и чубастый? Теперь на меня глядел остроугольный парень с пушком над верхней губой и точечками бесконечных прыщиков на скулах. Хм! Довольно отвратное зрелище... Я целый час убил, пытаюсь придать своей физиономии благопристойный вид. Тщетно. Ладно, я не мармелад, чтобы всем нравиться. Вот.

А к Аленкиному дому утром прилетел вмиг и замер, **ожидая ее появления.**

Сыпал снег, и в нем мелькали машины, люди, смех и музыка. Все мимо, мимо. А я ждал, стараясь не расплескать своего счастья...

Минута, час прошли...

Вот так, закрывшись в себе и своим счастьем, я, видимо, и пропустил тот момент, когда Сергей прошел мимо, в Аленкин подъезд.

Они вышли вместе, и Сергей подхватил Аленку, закурил, растапывая снег на дорожке... И мое счастье!.. Сразу! Вмиг! Вот только что оно росло заморским цветком, а вот уже покрыто следами зимних сапог...

Аленка смеялась, брыкалась, шутя, и вдруг, заметив меня, вывернулась из рук Сергея и

бросилась ко мне:

— Вик, как здорово, что ты решил забежать! Мы едем в парк! Айда с нами! Что ты такой грустный? Ведь Новый Год! Улыбнись, а!

— Правда, старик! Потопали с нами! — это Сергей. А улыбочка такая самодовольная!

— Нет, ребята, — выдал я, — я только вот... — и протянул подарок Алене.

— Ой, спасибо! Ты давай, сегодня приходи ко мне, часам к девяти. Ты же вчера мне обещал. Смотри, обижусь! — Алена смешно и так знакомо сморщила нос. — И такую грустную мордочку оставь дома. Ну, пока, до вечера!

Они побежали на трамвайную остановку, махнув мне на прощанье. Глупый ты, глупый — вчерашний разговор принял за признание. Она говорила: «Ты мой самый лучший друг на всем белом свете, Витя! Как брат родной! Я тебе иногда рассказываю вещи, которые не расскажешь любимой подружке...» Аленка тогда поцеловала меня в щеку и взяла с меня обещание провести новогоднюю ночь у нее: «Представляешь, родителей не будет, только мои друзья! Напью-ю-юсь, наверное!..» Хохочет. Это она шутила, как всегда сморщив нос.

А вот теперь вечер, и я один. Никуда не пошел. Еще чего не хватало! Смотреть на них?.. Зря я это все вспомнил — горло вот опять перехватило. Что ты, как баба? Успокойся!!!

Кстати, за вечер я уже «куговорил» бутылку вина, а трезвый. Походить надо. Ой! Вино-то все в ногах скопилось!

Кстати, что там брательничек делает? Свет горит? — Человечина, спи давай, а то Дед Мороз пода-рок не принесет.

Кстати, а куда мне мама велела его засунуть? Фу, вспомнил.

— Я уже сплю, — донесся тонкий голосок Лешки и заскрипела кровать. Этому оболтусу уже седьмой год. Когда-то мы с папой ему пеленки да ползунки стирали. А с какой он их скоростью... хм... использовал! Аж злость брала! Я люблю братишку. Хотя ему иногда от меня достается. За дело конечно... Иногда...

А вот к кухонному окну мне вообще не следовало бы подходить — вот опять же, смотрю в сторону Аленкиного дома. В темноте только окна светятся сквозь замороженное стекло, но я четко представляю танцующие пары.

Весело вам, да?! А я должен здесь стоять и скрипеть зубами?! Сволочи! Сергей этот... Гад! Нет, а пил я все-таки зря-я-я. Вчера еще все хорошо было! Я такой счастливый бродил! Ну, все! Все! Успокойся! Поиду в комнату. Будем гулять!

Веселиться! А что? Мне и одному хорошо! Будем обедать маминим пирогом, тортом, этим... Что там еще? Все! Геть, геть от меня, пакостное настроение! Сегодня Новый Год! Он лучший самый! Я найду другую девушку! Лучше Аленки! Во сто раз лучше! У меня все получится. Надо только не раскисать. Собирайся! Надейся и жди... Вся жизнь впереди... Трам-пам-пам.

Заглянем к брату... Эй! А он не спит еще?

Алешка сидит на табуретке у окна, вглядываясь в улицу. В одних трусиках, обхватив себя зябко за плечи. Он аж подпрыгнул, когда я ворвался в комнату:

— Я не понял, пацан! Ты почему не в кровати? Первый час ночи! Я не въехал! Тебя накормили? Сопли вытерли? Подарок пообещали? Спи! Нет, ты посмотри на него, торчит у окна! Что ты там высматриваешь, дубина?

— Я Дедушку Мороза жду. Когда он с подарком придет, — тихо бормочет брат и глядит на меня испуганно. Вот морда!

— Понимаешь, дитяtko, — мой голос стал тихим и ядовитым. Никогда не думал, что способен на такое. — Дедушки Мороза не су-ществ-ву-ет! Нету его! Это сказка для глупых детей на ночь! А подарок...

Мне понадобилось всего три скачка, чтобы принести мамой приготовленный подарок для Алешки.

— Вот он! Дедушка Мороз его уже принес!!! — Я швырнул кулек брату на колени. — Какие тебе еще подарки нужны? До каких пор ты будешь верить в сказки? Вот так всю жизнь и проживешь лопухом, как я!!!

— Нет! — Алешка пискнул, — ребята говорили, что если даже подарки от родителей, то там все равно есть в кучке конфетка или игрушка от Деда Мороза. — Алешка говорил все тише и тише. Потом опустил голову, и слезы закапали на пол. Не понимаю, и с чего я так взвился? Но меня понесло основательно.

ТАМ, ГДЕ СВЕТ

Сентябрь.

«Привет, ветерок! И где ж ты был? Эй, тише, тише! Я тоже очень рад тебя видеть!»

Ну вот, а я все утро причесывался... Вот в новую школу пошел... Хм! И уже надоела она мне до чертиков! Все в моем классе какие-то больные — все кучками собираются, да лают между собой. Противно... И что делать, не знаю. Пацаны все время выясняют, кто кому в глаз даст. Я на линейку первую только пришел, так сразу спросили. Ну, я и растерялся. А один там, Макарона, мне очки на носу поправил и так вежливо сказал: «Люди, познаться — это наша новая Люся!». И ржет, гад...

Как бы мне, ветерок, в старую школу

— Где? — я схватил кулек, разорвал его и высypал содержимое на пол. — Где, я спра-ши-ва-ю?

Конфеты, печенье, набор автомобильчиков, карандаши и какие-то еще мелочи цветным сверкающим ручейком вывалились на пол и разлетелись во все стороны. Схватив горсть конфет, я орал, тыча ими в лицо брату:

— Показывай! Да не отворачивайся, а показывай «дедморозовскую» конфету. Я ее не вижу! Я такой тупой, да?! — Но Алешка плакал все сильнее и сильнее, — вот только нам «концерта по зявкам» не хватало! Все! Спать!

Алешка для семилетки был очень тощим, и я, подняв его одной рукой, с размаху бросил в постель, швырнул сверху одеяло и ушел, громыхнув на прощанье дверью. Кресло перед телевизором, в которое я хлопнулся, только закряхтело.

Вот верим всякой чухне — любовь там, лямур всякий, дружба! Сказки это все, развесистая лапша! То, что внутри у нас, никому не нужно — главное фейс и... Ладно.

Хлебнув «Коль», включил до грохота телевизор и постарался вникнуть в кривляние размазанных клоунов. Клоуны были хроническими дебилами. А вот тут...

А вот тут мне стало стыдно... Почему-то... Побрел к окну. В холодных узорах окна угадывались прекрасные силуэты. Аленка-Аленка... Я смотрел в окно и ждал.

Чего? А кто ж его знает! Тихо так. Там, далеко, в другой жизни, пел, гремел и кривлялся телевизор. Мне вдруг до боли захотелось, чтобы появился Дед Мороз. Вон там, в самом дальнем конце улицы, сквозь танцующие снежинки, в свете фанарного столба. Он махнул бы мне рукой, усмехнулся в бороду... И тогда все будет хорошо! Если ждать и верить, то это всегда случается!

Пойду к Алешке, извинюсь, что ль, а то наглупил я что-то. Нам есть, чего ждать. Иждемся! Будете уверены! Правда-правда...

1998 г. Октябрь. Орск

вернуться?.. Ай, да ладно! Ну их!.. Где летал сегодня, ветерок? Ты забирался за облака? Ой, там, наверно хо-о-олодно! Я бы точно там замерз. Ха!.. Ну вот и школа моя родная, блин...»

Через пять дней.

«Здравствуй-здравствуй, ветерок! Никаких у тебя забот — все летаешь! Смотри, вон там дом Виталика, с которым мы вроде сдружились. В классе его Бакланом обзывают, заставляют за других дежурить, да еще издеваются по-разному... Ну, а что ему делать, если он самый слабый? Мне все говорят, чтоб с Бакланом не дружил, а мне Виталию жаль, по-человечески. Виталька часто плачет, как маленький — нервы у него

какие-то шатанные. Или расшатанные? А, не важно... Вот мы с ним теперь часто болтаем. Но ты не бойся — я тебя не забуду! Ага...»

Через месяц.

«Здравствуй, ветерок! Ты сегодня теплый такой... Вон видишь, ветерок, пацаны стоят — это меня ждут. Разборки сейчас будут... Это за то, что я настучал на Макарону.

Вон тот, длинный. Он меня еще на перемене в поддых ударил и сказал, что после уроков разборки будут. Думаешь, я испугался?.. Еще как... А что делать, раз настучал. Он отбирал у Витальки его дипломат и локтем зацепил по лицу — прямо по губе, ну и раскровянил. Виталия заплакал, а тут классная прибежала, раскричалась. Все молчали — кому же охота с Макароной связываться. Даже Виталька. Я и встал, и сказал... Короче, настучал на Макарону.

А что потом было, даже и вспоминать не охота. Макарона, как вернулся из кабинета директора, злой страшно был. А Виталия, дурак, еще на меня потом шипел, что не в свое дело лезу!

Все равно считаю, что правильно сделал! А потом всю жизнь от таких макарон прятаться? Вот-вот, ветерок! Ладно, пусть бьют...»

Через пять дней.

«... А я знал, что все равно ты появишься, ветер!

БОР

— Дьевка, хдь папа? Дьевка! Гаварьи, или пух-пух! — худой фриц нависал над Верой, махая перед ее лицом пистолетом и источая приторный запах мужского лосьона.

Вера все плотнее вжималась в угол сарая. Единственной его мечтой было — это исчезнуть, испариться. Казалось, этот кошмар не кончится никогда. А фриц орал и орал, пока Вера сама не закричала от беспомощности и страха, и...

И проснулась. Но проснулась уже Вера Степановна, женщина, заменявшая шестой десяток лет. Она еще немного полежала, вглядываясь сквозь полумрак в темный ковер на противоположной стене — такой, до боли, родной и домашний. Глубоко вздохнула, сбрасывая с себя остатки кошмарного сна, и села, стараясь ногой нащупать тапочки. Более сорока лет мучил ее этот сон, с завидным постоянством возвращаясь вновь и вновь. Ее муж, Ефим Викторович, развалясь на другой стороне кровати, во всю мощь своего горла раскатисто храпел. Духота в комнате стояла неимоверная. Потому-то и снится всякая гадость.

— Фим, а Фим! Повернись набок-то! Грохочешь на всю квартиру! Да повернись же! Внука разбудишь! Зайковский, ты меня слышишь? По-вер-нись! — Вера Степановна тормошила

Ты в любую щелочку проникнешь, даже в этот подвал. Плохо, что я не ветер, а то бы фьють — и нет меня здесь... Вот привязали, и сейчас будут наколку «Люся» делать. Хм. А знаешь, ветерок, Виталия Макаране и его друзьям все-все рассказывал. Ага. Все, о чем говорили. Гад он!..

...Ну почему же?..

...Ой, ты правда так считаешь?..

...Какой он маленький? Мы ж ровесники...

...Ну и что?..

...Ну слабый...

...И все равно, я считаю...

...Ну что ты все время меня перебиваешь?!

...И о Боге рассказал, и о Рае. А они все ржали...

...Почему я их жалеть должен? Они мне вот сейчас пальцы прижигали, чтобы поорал, а ты, говоришь, жалеть их!...

...Ладно, ветерок! Мне уже все равно. Мне соседка тетя Мария, еще на старой квартире, рассказывала, что, когда я умру, то моя душа будет летать, как ветер. Как ты. А потом улетит Туда, где Чистый Свет и Добро... Понимаю, что сказка, но как было бы хорошо!

Я очень хочу умереть, даже если там и нет ничего, только бы не видеть всех этих макарон...

...Ну, а что мама? Поплачет, конечно. Зато мы будем вместе, ветерок...

1991 г. Оренбург

мужа, пока тот, мяча что-то нечленораздельное, не подчинился. Хрюкнув на прощание, он уткнулся носом в стенку и стало тихо. Только древние ходики мирно шелкали на стене.

Степановна встала, накинула халатик, бросила взгляд за окно. А там снег валил, синий в темноте. Женщина улыбнулась и прошептала:

— Первый снег! Вот Васька-то завтра будет рад-радешенек! Что-то в этом году снежок припоздни-и-и-лся. — Счастливо вздохнула и побрела в туалет.

Начала заглянула в комнату к внуку. Как он там? Ваську, на выходные, дочка с сыном всегда к бабе и деду «забрасывали». А тот и рад — шибко его здесь любят. Дочка иногда ругается, что закармливают здесь внучка. Сладости, вишь, горой! Васька потом всю неделю житья не дает — просится к старикам. Ну и пусть лакомится — расти ему надо. Шесть годков, а малой такой!

Возвращаясь в спальню, Степановна услышала шорох в подъезде, да звяканье какое-то.

— Ой! Да не уж-то вор? — женщина тихо подошла к двери и приложила ухо. В глазок глядеть не стала — еще шيرانут чем-нибудь. Мало ли случаев было? Точно — кто-то там возится. У Степановны так и похолодело все внутри. Бежать, что ли, мужа будить? Ага, его сейчас разбудишь — спит,